

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. А. Зудина

Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России¹

ЗУДИНА Анна Алексеевна — аспирант факультета социологии, младший научный сотрудник Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: azudina@hse.ru

Работы многих исследователей неформальной занятости посвящены тому, как она может влиять на заработки. Но изменения в материальном благосостоянии не исчерпывают возможные последствия неформальности для социального неравенства, которое формируется за счёт не только объективных различий, но и субъективных оценок социального статуса. В настоящей работе представлены результаты эмпирического исследования субъективного социального статуса неформальных работников в России в 2000–2010 гг. На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ приводится анализ динамики средних самооценок социального статуса различных категорий неформальных работников на протяжении 2000-х гг., проводится их сравнение с аналогичными показателями формальных работников, безработных и представителей экономически неактивного населения. Особое внимание уделяется изучению типа неформальной занятости как фактора формирования субъективного социального статуса, для чего использовались различные эконометрические методы. Для этого были оценены порядковые пробит-регрессии на каждой из 11 волн обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ, а потом рассмотрены панельные регрессии с фиксированными эффектами для учёта возможных ненаблюдаемых эффектов, которые могут приводить к самоотбору в сектор занятости или изначальной психологической склонности к самооценкам определённого уровня. Панельные регрессии были рассмотрены как для всей совокупности респондентов, так и на подвыборке занятых, с включением дополнительных контролирующих переменных, учитывающих характеристики занятости. Обе спецификации панельных регрессионных моделей были проанализированы отдельно для мужчин и женщин. Проведённый пошаговый анализ выявил значимые изменения в самооценках самозанятых, которые оказываются характерны в большей степени для мужчин. Значимая динамика в самооценках неформальных работников по найму отсутствует. Самооценки нерегулярных работников не поддаются более глубокому анализу из-за отсутствия всех данных, однако они представляются наиболее уязвимой категорией неформальной занятости. Таким образом, оснований говорить о том, что на российском рынке труда неформальность выступает одним из механизмов социальной стратификации, относя неформальных работников к людям «второго сорта», нет. Полученные результаты являются не столько характеристикой неформальной занятости на российском рынке труда, сколько индикатором качества институтов формального сектора, ведь формальный сектор в

¹ См. более раннюю версию: Зудина А. А. 2013. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России. Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». 1. URL: http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/136881988821b5c479f270bd32dc2cdf661de62d73/WP3_2013_01.pdf

восприятию работающего населения не связывается ни с возможностями улучшить своё благосостояние, ни с системой социальной защиты.

Ключевые слова: неформальная занятость; субъективный социальный статус; социальная стратификация; трудовая мобильность; РМЭЗ НИУ ВШЭ.

1. Введение²

Работы многих исследователей неформальной занятости посвящены тому, как она может влиять на «кошелёк» (то есть на заработок), меняя (или нет) его наполнение. Однако материальным благосостоянием не исчерпываются возможные последствия неформальности для социального неравенства. Социальная стратификация формируется за счёт не только объективных различий, но и субъективных оценок социального статуса. В таких оценках заключаются представления самого человека о своём месте в обществе, самоидентификация на социальной лестнице³.

Ключевой вопрос, вокруг которого строится данная работа, связан с анализом взаимосвязи между принадлежностью работников к неформальному рынку труда (и местом на нём) и субъективным социальным положением. Этот вопрос может быть по-разному переформулирован и уточнён. Является ли неформальная занятость своеобразным стратифицирующим механизмом, формирующим социальную структуру нашего общества? Означает ли попадание в этот сегмент рынка труда принадлежность к менее (или более) привилегированным социальным группам? Если да, то в чём это проявляется? Наконец, вызывает ли переход через условную границу, разделяющую формальный и неформальный рынки труда, соответствующие изменения в социальном самоощущении?

Понятие «субъективный социальный статус» используется в исследовательской литературе для обозначения самооценки индивидами своего положения в социальной иерархии, отображаемой с помощью набора соответствующих шкал. Субъективный социальный статус формируется под воздействием целого комплекса различных экономических, социально-демографических, профессиональных и ценностных характеристик. В свою очередь, восприятие индивидом себя на том или ином уровне шкалы (то есть как человека «первого» или «второго сорта») может влиять и на его поступки в различных сферах [Lindemann 2007], а увеличение численности людей с низкими оценками собственного социального положения ведёт к росту социальной напряжённости и конфликтности в обществе. Показатели субъективного социального статуса до сих пор практически не использовались в исследованиях неформальной занятости, и в данной работе сделана попытка исправить это упущение⁴.

Научная литература даёт различные оценки неформальной занятости. С одной стороны, она является социальноуязвимой, часто сопряжена с плохими условиями труда, низкой зарплатой и нестабильным положением. В этом случае можно ожидать снижения самооценок социального статуса. С другой стороны, неформальная занятость может быть добровольным выбором, обеспечивать сопоставимый или даже более высокий доход, большую автономию, гибкий график работы, возможность начать предпринимательскую деятельность. Такая занятость способна повышать субъективный статус, создавая у работника ощущение относительного благополучия. Возможен и третий вариант, когда между не-

² Автор отмечает поддержку Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, а также выражает признательность за ценные замечания и комментарии А. Р. Бессуднову, В. Е. Гимпельсону, И. Ф. Девятко, Р. И. Капелюшникову, Тиму Лийяо, А. Л. Лукьяновой и всем участникам отчётного семинара для аспирантов программы «Академическая аспирантура» на факультете социологии НИУ ВШЭ.

³ Понятия «субъективный социальный статус», «субъективное социальное положение» и «самооценка социального положения» используются как синонимы.

⁴ Самооценки социального статуса использовались Б. Темкиным при изучении неформальной самозанятости в Мексике [Temkin 2009], но не были центральной темой упомянутого исследования.

формальным положением на рынке труда и самоидентификацией внутри социальной стратификации отсутствует какая-либо значимая связь.

Использование самооценок позволяет подвергнуть альтернативному тестированию гипотезу о том, что деление занятости на неформальную и формальную в России сопряжено с формированием системы социального неравенства, а также может рассматриваться и как дополнительный косвенный тест на проявление сегментации на рынке труда.

Если работники могут выбирать среди разнообразия рабочих мест, стремясь максимизировать суммарные выгоды и руководствуясь при этом своими предпочтениями, то сегментация рынка труда отсутствует. Если же попадание в сектор неформальной занятости определяется институциональными или социальными (например, стигматизация национальных или этнических групп) условиями, то влияние конфигурации рынка труда на структуру общества может быть весьма значительным. В таком случае неформальная занятость оказывается укоренённой в социальной ткани общества, аккумулируя в себе определённые категории населения, которые будут занимать схожие позиции в социальной структуре общества. В этом последнем случае попадание в неформальную занятость из формальной может быть расценено как нисходящая мобильность и будет демотивировать социальную и трудовую активность работников, способствовать дальнейшей маргинализации.

Традиционная оценка последствий неформальности занятости основывается на сравнении величин доходов формальных и неформальных работников. Однако данный подход имеет свои ограничения. И дело не только в том, что доходы неформально занятых плохо регистрируются. Важнее то, что качество трудовой деятельности и жизни в целом не сводится только к денежным индикаторам оплаты труда. Сфера труда во многом определяет положение индивида в социальной структуре современного общества, а потому имеет смысл расширить предмет анализа, включив в него субъективный социальный статус.

Итак, *основная цель* данной работы заключается в анализе связей между (не)формальным положением работников на рынке труда и их субъективным социальным статусом. Для этого будет рассмотрено, как различные состояния на рынке труда влияют на соответствующие самооценки, и проанализировано, вызывает ли смена статуса формальности или неформальности изменения в них.

В разделе 2 рассматривается субъективный социальный статус как инструмент анализа социальной стратификации. Раздел 3 посвящён краткому обзору исследовательских подходов к изучению социальных последствий неформальной занятости и основных результатов проведённых эмпирических исследований. Раздел 4 содержит описание эмпирической базы исследования, отобранных индикаторов и методологии исследований. Далее, в разделе 5, следует анализ динамики средних самооценок социального статуса неформальных работников на протяжении 2000-х гг. В разделе 6 представлен более подробный анализ субъективного социального статуса неформальных работников, который производился в несколько последовательных стадий. И наконец, в разделе 7 подводятся итоги работы.

2. Что такое субъективный социальный статус?

Исходное предположение в рамках данного исследования заключается в том, что деление на формальную и неформальную занятость в России дифференцирует работников по субъективному социальному статусу. Согласно ему, неформальные работники будут отличаться более низким уровнем самооценок социального статуса на фоне более благополучных представителей формальной занятости. Тем самым неформальность на рынке труда выступает стратифицирующим (и «понижающим») механизмом, «разносящим» индивидов по разным ступеням социальной лестницы, но расположенным ниже базового уровня для формальных работников.

Но что такое субъективный социальный статус в инструментальном смысле? Это условный конструкт, отражающий восприятие индивидом собственного места в социальной иерархии [Jackman, Jackman 1973], который характеризует положение индивидов в обществе и широко используется при изучении социальной стратификации [Leggett 1963; Ossowski 1963; Lewis 1964; Jackman, Jackman 1973; Laumann, Senter 1976], а также предоставляет важную информацию о социальной структуре и социальной динамике, не исчерпывающейся сухими характеристиками денежных доходов и материального благосостояния. Так, люди, оценивающие своё социальное положение определённым образом, в поведении зачастую следуют тем практикам, которые оказываются принятыми среди представителей схожего с ними социального статуса. Такие практики из самых разных сфер (круг общения, потребление определённых товаров и услуг, способы проведения досуга, выбор образования для детей) образуют их стиль жизни и, в свою очередь, влияют и на электоральные предпочтения, восприятие легитимности экономической и политической системы [Della Fave 1980; Shepelak 1987; Косова 1997].

Изучение субъективного социального статуса имеет долгую традицию в эмпирической социологии, восходящую к исследованию Р. Центерса 1949 г. [Centers 1949]. В рамках этого исследования респондентов просили оценить своё положение в предложенном континууме иерархически выстроенных классов⁵. Современные методики изучения субъективного социального статуса не используют категорию «класс». Это облегчает межстрановые сопоставления результатов (хотя и не решает методологических проблем их интерпретации) и позволяет исключить возможные смещения, связанные с использованием таких идеологизированных понятий, как «рабочий класс» или «средний класс» [Goldman et al. 2005]. Примерами являются континуум из 10 абстрактных позиций-«ящиков» [Kelley, Evans 1995] или визуальная 10-ранговая шкала субъективного социального статуса Макарттура [Adler et al. 2000]. Для более подробного изучения особенностей восприятия социальной стратификации исследователи используют также самооценки, полученные при ответах на вопросы о нескольких различных аспектах социального положения (субъективная классовая принадлежность согласно уровню влияния на других, стилю жизни, доходу, профессии) [Kluegel, Singleton, Starnes 1977].

Помимо исследований социальной стратификации как таковой, субъективный социальный статус регулярно используется в междисциплинарных исследованиях экономистов, социальных психологов и психиатров, выступая в качестве объясняющей или объясняемой переменной.

Исследований субъективного социального статуса, выполненных по России, немного. Россияне начала 1990-х гг. отличались относительно невысоким уровнем субъективного социального статуса. Его средние оценки в 1991 и 1996 гг. колебались возле 4 баллов по 10-балльной шкале [Gross 2003]. Аналогичные результаты были получены и на данных проекта «Международное исследование неравенства»: средние оценки российских респондентов были сосредоточены в нижней части шкалы (38 из 100 баллов). Эти результаты согласовывались с оценками, полученными по другим странам с переходной экономикой, в то время как самооценки респондентов из англосаксонских стран и стран континентальной Европы располагались выше (48–69 баллов) [Kelley, Evans 2004]. Примечательно, что распределение самооценок статуса в странах с переходной экономикой также было скошено вниз, отличаясь от распределения для западных стран, пик которого приходился на середину шкалы⁶.

⁵ Важно отметить, что предложенное Максом Вебером понимание социального статуса как субъективной оценки собственного положения в иерархии престижа [Weber 1966] в определённой степени пересекается с концептом субъективного социального статуса. Однако сторонники описываемого подхода используют понятие «субъективный социальный статус» в обобщённом виде, для интегрального анализа положения в социальной системе, которое не исчерпывается атрибутами престижа.

⁶ Соответствует результатам изучения неравенства в странах с растущей экономикой, представленными в докладе Организации экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD), согласно которым в России наблюдался значительный рост неравенства с начала 2000-х гг. [Special Focus... 2011].

Изучение факторов субъективного социального статуса развивалось в рамках двух основных исследовательских направлений. Первое, опирающееся на теорию Маркса о классовом сознании и представлениях Э. Дюркгейма о разделении труда, предполагает, что объективные характеристики индивида полностью определяют самооценку его социального положения [Kelley, Evans 2004]. Среди значимых факторов такого рода, выявленных в рамках эмпирических исследований, можно выделить уровень образования, статус занятости, профессию или профессиональный престиж, доход, возраст, национальность [Ostrove et al. 2000; Goldman et al. 2005; Lindemann 2007]. Представители второго направления, основывающегося на теории референтных групп, исходят из того, что при определении своего положения в общественной структуре индивиды ориентируются не столько на собственные объективные характеристики, сколько на позиции представителей референтных групп. К таким факторам можно отнести оценку своего социального положения по отношению к позициям, занимаемым представителями референтной группы, уровень притязаний, а также оценку потенциальной динамики собственного благосостояния [Kelley, Evans 1995; Lindemann 2007]. Однако важно отметить, что влияние субъективных факторов на самооценки социального положения сопряжено с возможными смещениями [Kluegel, Smith 1981].

Как показывают исследования, наиболее значимыми факторами субъективного социального статуса являются профессия, удовлетворённость материальным положением, доход домохозяйства, чувство финансовой защищённости и образование [Singh-Manoux et al. 2003]. Значение дохода как одного из факторов субъективного социального положения в западных обществах значительно увеличилось в течение последних десятилетий. Исследователи объясняют это его возросшей ролью в определении стиля жизни в контексте развития ценностей общества потребления [Lindemann 2007].

Влияние объективных характеристик на самооценки социального положения значительно варьируется по странам [Gross 2003]. Например, уровень образования менее значим в определении субъективного социального статуса в Великобритании, США и России по сравнению с Венгрией. Наибольшее же значение в определении самооценок социального положения образование имеет в Скандинавских странах и странах континентальной Европы [Knudsen 1988; Gross 2003]. Профессия и положение на рынке труда традиционно рассматриваются в качестве ключевых детерминант субъективных оценок социального статуса наряду с образованием и уровнем дохода [Jackman 1979], однако их значимость оказывается выше в англосаксонских странах по сравнению с другими странами Запада [Gross 2003]. Анализировалось также и влияние таких характеристик, как доступ к средствам производства, наличие собственности, профсоюзное членство, социально-экономический статус друзей и партнёра, национальность, религиозная принадлежность, наличие и характеристики детей [Goldman et al. 2005; Franzini, Fernandez-Esquer 2006; Brown et al. 2008;].

Неформальная занятость ранее широко не рассматривалась в качестве фактора самооценок социального положения, однако она способна оказывать значимое влияние на особенности восприятия социального положения, являясь характеристикой положения индивида на рынке труда, и тем самым участвовать в формировании социальной стратификации. В следующем разделе рассматривается, как неформальная занятость связана с другими самооценками работников, а потом будут представлены результаты анализа связи неформальной занятости и формирования социального неравенства в российском обществе.

3. Социальные последствия неформальности: что говорят исследования?

Ответ на вопрос о том, является ли неформальная занятость в конечном счёте злом, благом или не является ни тем и ни другим, при ближайшем изучении оказывается не столь очевидным. Различные теоретические подходы расходятся в ожиданиях относительно и неформальности, и её последствий. Если рассматривать тип занятости в качестве исходного измерения рынка труда, то социальный ста-

тус — его следствие. Если нас интересует социальная стратификация, то неформальность на рынке труда может быть исследована в качестве одного из механизмов, формирующих структуру общества. Постановка исследовательской проблемы настоящего исследования предполагает пересечение экономического и социологического подходов, однако в данной работе я сосредоточусь только на втором.

Принципиальное значение для данной работы имеют позиции двух ключевых социологических теорий социальной стратификации, в фокусе которых находится положение индивида в социальной структуре, — функционалистской и неовеберрианской. Неформальность занятости в рамках этих подходов может выступать одним из причинных механизмов социального неравенства.

Для *функционалистского подхода* ключевое значение в выстраивании социальной стратификации имеют способности и квалификация индивидов. Система социального неравенства представляется непрерывным континуумом множества профессиональных групп, внутри которого индивиды могут перемещаться относительно свободно в соответствии со своими способностями и квалификацией, а деление на чёткие классы или статусные группы отсутствует [Дэвис, Мур 1992]. При этом считается, что способности в каждом обществе распределены неравномерно, наиболее ценные для общества навыки очень редки. Наиболее способных членов общества нужно мотивировать для занятия важных функциональных позиций при помощи вознаграждения, которое побуждает их развивать свои способности и получать необходимое образование и квалификацию. Данное представление восходит к объяснению социального неравенства, предложенному Эмилем Дюркгеймом в работе «О разделении общественного труда» (1893). Он указывал на то, что во всех обществах одни виды деятельности считаются более важными, чем другие, неравенство является естественным состоянием, и в процветающем обществе наиболее талантливые и способные должны выполнять наиболее важные функции и получать соответствующее социальное вознаграждение [Дюркгейм 1996]. С позиции функционалистского подхода социальный мир един для всех членов общества, а достигаемые критерии статуса преобладают над предписываемыми [Marshall 1994]. Основным социальный поток, по мнению представителей данного подхода, направлен вверх, что снижает потенциал классовообразования и сдерживает межклассовую конфликтность. Таким образом, социальная стратификация приобретает форму пирамиды с расширенной серединой: на самом вершине находятся малочисленные категории наиболее способных и талантливых индивидов, выполняющих важнейшие для общества функции, а остальные находятся посередине и внизу, при этом большая часть сосредоточена в средних слоях.

В контексте функционалистского подхода свободной мобильности представителей неформального сектора может препятствовать только отсутствие необходимой для продвижения квалификации (человеческого капитала), каналы получения которой открыты и известны, а потому занимаемое положение в социальной структуре является вполне добровольным. Можно предположить, что в рамках такого подхода при прочих равных условиях состояния формальной и неформальной занятости не должны характеризоваться значительными разрывами в самооценках социального статуса.

Неовеберрианцы, в свою очередь, указывают на наличие жёстко отличных друг от друга социальных групп, постоянно воспроизводящих свои границы. Эти группы возникают в результате пересечения трёх относительно автономных осей, в каждой из которых происходит собственное ранжирование, — экономической, социокультурной и политической. Вариативность конструирования и комбинирования позиций в каждой из этих плоскостей определяет множественность социальных миров, в которых обитают представители различных страт, зачастую не пересекающихся между собой [Goldthorpe et al. 1969]. Мобильность индивидов между позициями в социальной структуре носит затруднённый характер, принадлежность к ним имеет тенденцию быть пожизненной, позиция родителей индивида воздействует на весь комплекс ценностей, норм, представлений, жизненных шансов и стиля жизни⁷

⁷ Неомарксистское понимание стратификационной схемы с исчезающими средними слоями и двумя полярными классами, антагонизм между которыми постоянно увеличивается, можно считать неким предельным вариантом данного подхода.

[Marshall 1994]. В своих исследованиях представители неовеберизма последовательно указывали на неизменность уровней относительной мобильности, отмечая, что увеличение «места наверху» (вследствие роста спроса на квалифицированный умственный труд) не привело к увеличению возможностей попасть туда, так как большинство этих мест были заняты детьми тех, кто находился на привилегированных позициях. Тем самым эти исследователи подтверждали своё исходное предположение о жёсткой детерминированности достигнутого положения исходным классовым происхождением.

Можно предположить, что для неовеберизма мобильность неформально занятых между социальными группами будет представляться более сложным явлением, чем для функционалистов. Это тоже своеобразная «сегментация», структурные элементы которой оказываются разделёнными ещё и с точки зрения всего образа жизни, который формируется под воздействием специфических норм и ценностей, определяющих поведение в обществе, и во многом также производных от профессии. Можно предположить, что самооценки формальных и неформальных работников будут значительно отличаться друг от друга.

Вся совокупность исследований, оценивающих последствия неформальности для индивида, делится на две группы в зависимости от того, берётся за основу объективный или субъективный индикатор. К первой группе относятся исследования, направленные на сравнение показателей зарплат, ко второй — те, в которых изучались и сравнивались разнообразные самооценки неформальных и формальных работников. По-видимому, выводы о сравнительных преимуществах одного из секторов не обязательно должны совпадать. Вероятно, при равенстве показателей денежного вознаграждения неденежная полезность от работы может сильно различаться.

Набор субъективных показателей, использовавшихся для изучения последствий неформальной занятости, включает самооценки принадлежности к социальному классу, благополучия, страха безработицы, а также удовлетворённости жизнью и трудом.

Единственное исследование, в котором ранее анализировался субъективный социальный статус неформальных работников, было посвящено изучению самозанятости в Мексике [Temkin 2009]. Согласно ему, большинство самозанятых (43%) и неформальных наёмных работников (42%) относили себя к низшему среднему классу, причём такая же ситуация наблюдалась и среди формальных работников (44%). Доля самозанятых, отнёсших себя к низшему классу, была значительно больше (19%) по сравнению с неформальными работниками по найму (9%) и формальными работниками (4%). Доля тех, кто отнёс себя к высшему среднему классу, среди представителей неформальной занятости была значительно ниже: 25% среди неформальных работников по найму и 16% среди неформальных самозанятых против 34% среди формальных работников. Таким образом, самозанятые в Мексике оценивали свой социальный статус ниже, чем неформальные работники по найму. Остальные самооценки самозанятых также были значительно ниже (удовлетворённость экономическим положением домохозяйства, возможность отложить средства на будущее, способность контролировать свою жизнь). По мнению Темкина, самозанятость в Мексике является скорее способом выживания, чем протопредпринимательской практикой. Это не согласуется с ранее полученными результатами по Мексике, которые свидетельствовали об относительном благополучии самозанятых (см., например: [Maloney 2004]). Однако выводы самого Темкина основывались исключительно на дескриптивном анализе таблиц распределения, что не позволяет в полной мере сопоставлять их с результатами более строгих исследований.

Исследования удовлетворённости трудом показали, что разница в оценках между различными категориями работников в разных странах Центральной и Латинской Америки варьируется достаточно сильно [Pages, Madrigal 2008]. Например, чилийские самозанятые испытывают такой же уровень удовлетворённости трудом, что и формальные работники [Cassar 2010]. По мнению авторов исследова-

ния, положительные (независимость) и отрицательные (отсутствие защиты занятости, неблагоприятные условия труда) характеристики самозанятости в Чили, влияющие на удовлетворённость трудом, в данном случае компенсируют друг друга. При этом в тех странах, где различия наблюдаются, их направление одинаково: представители формального сектора испытывают большую удовлетворённость трудом по сравнению с неформальными работниками [Perry et al. 2007]. Аналогичный вывод оказался верен и для Вьетнама [Wachsberger et al. 2010]. Иная ситуация наблюдается в Африке. Неформальные самозанятые (владельцы собственных микробизнесов) оценивали свою удовлетворённость трудом значительно выше, чем формальные работники, указывая на то, что самозанятость является одним из наиболее привлекательных типов занятости. Аналогичные показатели среди неформальных наёмных работников и самозанятых одиночек также были относительно велики. Неденежные выгоды формальной занятости, как оказалось, не являлись факторами удовлетворённости трудом [Falko et al. 2010].

Для России А. Аистов, А. Ларин и Л. Леонова показали на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1998–2009 гг., что незарегистрированная занятость по найму сопровождается значимым ухудшением самооценок удовлетворённости работой и жизнью [Аистов, Леонова 2011; Аистов, Ларин, Леонова 2012], что подтверждает исходное представление о незащищённости данной группы. Однако ещё одна важная составляющая неформальной занятости — самозанятость — авторами не рассматривалась.

Результаты исследований субъективного благополучия неформальных работников (субъективной оценки собственного материального положения) также значительно варьируются в зависимости от страны, в которой они проведены. Например, в Аргентине неформальные наёмные работники в целом оценивают своё материальное положение хуже, чем наёмные работники формального сектора, даже при контроле таких характеристик, как собственный трудовой доход и доход других членов семьи. В Доминиканской Республике различий в субъективных оценках благосостояния между неформальными и формальными наёмными работниками не наблюдается. В то же время самозанятые в Аргентине оценивают своё благополучие на одном уровне с формальными работниками, а в Доминиканской Республике различий между всеми тремя категориями занятых на рынке труда практически нет [Perry et al. 2007]. Аргентина является одной из наиболее развитых латиноамериканских стран, где формальный сектор рынка труда способен обеспечить работников как более высоким уровнем заработной платы, так и определённым уровнем социальной защиты. В более бедной аграрно-индустриальной стране подобные различия в условиях занятости между секторами могут либо в принципе отсутствовать, либо быть сугубо номинальными. При этом самозанятость и микропредпринимательство, предполагающие уклонение от уплаты налогов, в более экономически развитых странах способны приводить к повышению уровня собственного благосостояния, который будет отсутствовать в странах с менее развитой экономикой.

Взаимосвязь между субъективным благополучием и неформальной занятостью изучалась и в различных странах с переходной экономикой. На данных по Албании было показано, что для большинства представителей неформальной занятости она сопряжена со снижением субъективного благосостояния, и это согласуется с результатами, полученными для Польши [Molnar, Kapitanu 2010]. В то же время небольшая подгруппа неформально занятых в Албании все же демонстрировала большую удовлетворённость своим финансовым положением по сравнению с занятыми в формальном секторе. Основной причиной этого являлось различие в восприятии возможности неуплаты налогов: неформальные работники, которые считали, что неуплата налогов в настоящий момент никак не отразится на их материальном положении в будущем, оценивали своё субъективное благополучие выше по сравнению с теми, для кого это не так [Ferrer-i-Carbonell, Gerxhani 2011].

В России изучение взаимосвязи между субъективным благополучием и неформальной занятостью привело к прямо противоположным результатам. Согласно исследованию М. Бойран и Е. Калугиной, про-

ведённому на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994–2003 гг. [Beugan, Kalugina 2006], неформальная занятость не оказывает отрицательного эффекта на субъективное социальное положение неформально занятых. В то же время неформальные работники демонстрируют более высокий уровень уверенности в возможности найти работу, чем работники формального сектора [Синявская 2005].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что вопрос о взаимосвязи между неформальностью и разнообразными самооценками работников, при помощи которых исследователи пытались проанализировать последствия неформальности, остаётся открытым. В качестве предварительного вывода, нуждающегося в дальнейшей проверке, отмечу, что в более благополучных странах самооценки неформальных работников по найму оказываются ниже, чем самооценки формальных работников. При этом самооценки самозанятых зачастую являются более высокими, чем самооценки неформальных работников по найму. В менее развитых странах, где различия в условиях занятости между формальными и неформальными рабочими местами являются минимальными, различия самооценок также оказываются незначимыми.

Такое влияние уровня экономического развития на самооценки формальных и неформальных работников, при котором различия в самооценках между формальными и неформальными работниками должны становиться больше, возможно в нескольких ситуациях:

- экономический рост транслируется в увеличение формальных высококвалифицированных рабочих мест (в создание новых или реструктуризацию существующих), которые при прочих равных должны быть сопряжены с более высокими самооценками занимающих их работников;
- экономический рост связан с увеличением низкоквалифицированных неформальных рабочих мест, которые при прочих равных должны характеризоваться более низкими самооценками занимающих их работников;
- экономический рост оказывается связан с сокращением низкоквалифицированных формальных рабочих мест, и средние самооценки в формальном секторе будут увеличиваться, тем самым увеличивая разницу между формальным и неформальным секторами;
- экономический рост приводит к сокращению относительно более квалифицированных неформальных рабочих мест, и средние самооценки в неформальном секторе будут падать, способствуя увеличению различий между формальным и неформальным типами занятости.

Анализ, представленный в предыдущих работах [Гимпельсон, Зудина 2011] и подтверждённый автором данной статьи при изучении базы РМЭЗ НИУ ВШЭ, показывает, что наблюдавшийся в 2000-е гг. в России экономический рост сопровождался увеличением численности неформальных работников по найму, которые в значительной степени представляют собой низкоквалифицированную часть неформальной занятости в России. На основе этого можно выдвинуть предположение о том, что самооценки формальных и неформальных работников должны значимо различаться между собой, при этом неформальная занятость будет характеризоваться более низким уровнем самооценок социального статуса.

4. Эмпирическая база исследования и методология анализа

Эмпирической базой настоящего исследования являются данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000–2010 гг. РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет собой ежегодное лонгитюдное обследование домохозяйств, проводимое с 1992 г. и являющееся международным проектом, осуществляемым Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле (США) и Института социологии РАН.

Оно содержит обширную информацию о социально-демографических и профессиональных характеристиках и особенностях занятости, об удовлетворённости жизнью и различные показатели субъективного социального статуса. Исследование проводится на основе общенациональной репрезентативной выборки по стране объёмом около 4000 домохозяйств. Панельный характер данных позволяет анализировать перемещения работников на рынке труда и связанные с ними изменения в субъективном социальном статусе.

В определении статуса неформальной занятости я опираюсь на схему, разработанную Ф. Слонимчиком, которая предполагала комбинирование ответов на вопросы о типе организации и форме деятельности (работа на предприятии, в организации; работа по найму у физического лица; собственное дело), о наличии или отсутствии официального оформления (письменные трудовые контракты у наёмных работников) [Slonimczyk 2011]. Согласно этой схеме следующие группы работников были отнесены к неформальной занятости:

- самозанятые⁸;
- неформальные предприниматели;
- неформальные наёмные работники на предприятиях;
- неформальные работники по найму у физических лиц;
- нерегулярные работники.

Согласно алгоритму построения категории неформальных работников, все занятые, которые не работали в рамках каких-то предприятия или организации, были включены в категорию «неформально занятые». На следующем этапе они разделялись на две подгруппы в соответствии с ответами на вопрос о характере их трудовой деятельности — «самозанятые» и «занятые по найму у физических лиц». Респонденты, указавшие, что они работают на предприятии или в фирме, были отнесены к категории «неформальные работники» в том случае, если их трудовые отношения не были юридически оформлены, то есть у них не было письменного трудового контракта⁹. Работников такой категории могло быть две группы: неформально занятые по найму и неформальные предприниматели. Первые работали по найму на предприятии и не имели трудового договора или контракта. Вторые занимались предпринимательской деятельностью на собственном предприятии, но их занятость не была юридически оформлена. В категорию «нерегулярные (случайные) работники» были отнесены респонденты, которые не имели основной работы, но указали, что были заняты хотя бы раз за последние 30 дней (например, шили что-то на продажу или подвозили кого-то на машине), но не имели основной работы.

На последнем этапе различные подгруппы неформально занятых были объединены, и к группе неформальных предпринимателей были отнесены руководители незарегистрированных фирм и самозанятые, к группе неформальных наёмных работников — неформально занятые по найму на предприятиях и занятые по найму у физических лиц. Категория «нерегулярно занятые» анализировалась отдельно.

Для измерения субъективного социального статуса используются пять показателей самооценок, содержащихся в анкете РМЭЗ НИУ ВШЭ. Три из них измеряются по девятибалльной шкале: субъективное благосостояние; субъективная власть; субъективное уважение¹⁰. Использование таких индикаторов

⁸ Формальные самозанятые были отнесены к работникам формального сектора, однако в каждой волне их доля в общей численности формальных работников была невелика, составляя 1,3–1,9%.

⁹ В 2001 г. вопрос о наличии письменного контракта отсутствовал в базе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, поэтому соответствующая группа неформальных работников отсутствует в итоговом показателе неформальной занятости за этот год.

¹⁰ Привожу формулировки вопросов из анкеты: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой, ступени стоят нищие, а на высшей, девятой, — богатые. На какой из девяти ступеней находите сегодня Вы лично?»; «А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей — те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находите сегодня Вы лич-

следует традиции многопараметрического понимания социального неравенства, заложенной Максом Вебером [Weber 1966]. Эти индикаторы соответствуют субъективным оценкам трёх осей социального неравенства, которые являются определяющими при формировании положения в социальной иерархии, — материального благосостояния, власти и уважения (престижа).

Ещё два субъективных показателя описывают «материальную» составляющую статуса с помощью пятибалльной шкалы: (1) уверенность в возможности обеспечить минимальный уровень материального благосостояния в ближайшем будущем и (2) удовлетворённость текущим материальным положением¹¹. Их использование также вписывается в эмпирическую традицию изучения социального статуса. Первый из этих двух индикаторов характеризует оценку собственных возможностей и жизненных шансов, которые являются важной составляющей формирования статусных групп в веберовском понимании. Второй можно проинтерпретировать как косвенный индикатор соответствия собственных притязаний и достигнутого уровня благосостояния, которое также формируется под воздействием ожиданий изменений благосостояния в будущем [Alwin 1987], тем самым участвуя в определении текущего субъективного социального статуса.

Все отобранные индикаторы были проверены при помощи традиционных тестов на предмет их надёжности и критериальной валидности на данных волны РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2008 г. Значение индекса α -Кронбаха составило 0,67, что свидетельствует о достаточной внутренней согласованности отобранных индикаторов и позволяет использовать их в качестве показателей субъективного социального статуса.

Аналитическая часть исследования состоит из трёх последовательных этапов.

На первом этапе для получения общей картины распределений самооценок сравнивались средние значения субъективного социального статуса в шести различных группах (формальные работники, самозанятые, неформальные наёмные работники, нерегулярно занятые, безработные, экономически неактивные) и анализировалась их динамика.

На втором этапе производился более глубокий анализ субъективного социального статуса. В рамках этого анализа статус на рынке труда рассматривался в качестве возможного фактора субъективных оценок социального положения при контроле различных социально-демографических характеристик. Для этого я оценила порядковые пробит-модели (*ordered probit*) на всех одиннадцати волнах РМЭЗ ВШЭ для каждого из пяти отобранных индикаторов субъективного социального статуса. В нашем случае зависимая переменная (в качестве которой выступает последовательно каждый из пяти отобранных индикаторов субъективного социального статуса) может принимать пять или девять упорядоченных значений в соответствии с типом шкалы.

В основе модели лежит предположение о том, что точное значение интересующего нас параметра u^* , который измеряется при помощи зависимой переменной, является на самом деле ненаблюдаемым [Wooldridge 2002]. Вместо него имеются только значения u , которые представляют собой упорядоченные категории-«группировки» значений u^* .

но?»; «И ещё одна лестница из девяти ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей — те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»).

¹¹ Привожу формулировки вопросов из анкеты: «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?»; «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?». Обзор эмпирических исследований показывает, что показатель удовлетворённости материальным положением часто рассматривается как фактор субъективного социального статуса. Однако в рамках настоящего исследования он используется наравне с другими индикаторами в качестве одной из составляющих статуса, так как изучение взаимосвязи между различными субъективными оценками сопряжено с большими смещениями из-за возможности обратного влияния.

$$y_i^* = \beta X_i + \varepsilon_i,$$

где:

y_i^* — точное, но ненаблюдаемое значение зависимой переменной для наблюдения i (например, точный уровень субъективного уважения);

y_i — наблюдаемое значение зависимой переменной для наблюдения i ;

X_i — набор независимых объясняющих переменных;

β — оценки параметров;

ε_i — случайная ошибка, распределённая нормально.

Тогда:

$$\begin{aligned} y &= 0, & \text{если } y^* \leq \alpha_1 \\ y &= 1, & \text{если } \alpha_1 < y^* \leq \alpha_2 \\ & & \vdots \\ y &= J, & \text{если } y^* > \alpha_J \end{aligned}$$

Техника порядкового пробита основана на использовании данных о значениях y , которые представляют собой цензурированную информацию о настоящем распределении значений y^* , для того, чтобы получить оценки параметров β .

При интерпретации коэффициентов значимый положительный (отрицательный) знак трактовался как свидетельство того, что при прочих равных условиях данная группа респондентов характеризовалась значимо более высокой вероятностью оценивать себя выше (ниже) по анализируемой шкале по сравнению с респондентами базовой группы. На данном этапе я ограничилась анализом знака и значимости полученных коэффициентов, не оценивая предельные эффекты, так как при анализе отдельных волн полученные оценки потенциально могли быть подвержены значительным смещениям, связанным с влиянием ненаблюдаемых характеристик.

На третьем этапе используется модель с фиксированными эффектами на панельных данных¹². Во-первых, полученные оценки при индикаторах неформальности в такой модели являются фактически оценками влияния изменений в положении на рынке труда на субъективный социальный статус. Во-вторых, данная модель отчасти решает проблему смещения оценок из-за потенциального влияния ненаблюдаемых характеристик работников, приводящих к неслучайному отбору в определённый статус на рынке труда. Модель панельной регрессии с фиксированными эффектами основывается на предположении о том, что ненаблюдаемые эффекты постоянны во времени. Наблюдая одних и тех же людей на протяжении определённого периода, допустимо исходить из того, что контролируются и эти ненаблюдаемые (а потому прямо неизмеряемые) постоянные индивидуальные различия. Таким образом, можно получить несмещённые оценки интересующих параметров [Wooldridge 2002]. Если же ненаблюдаемые эффекты являются непостоянными во времени (например, предполагая, что склонность к риску имеет тенденцию уменьшаться с возрастом), то модель с фиксированными эффектами не подходит, и необходимо использование модели со случайными эффектами. Для проверки того, какая из моделей применима в каждом конкретном случае, как правило, используется тест Хаусмана.

¹² Признавая порядковый характер зависимой переменной, я тем не менее на данном этапе оценивала МНК-модели, которые используются в тех случаях, когда зависимые переменные и случайные ошибки имеют нормальное распределение (то есть для интервальных данных). Оценивание модели на порядковых данных потенциально может приводить к получению смещённых коэффициентов. Однако в рамках настоящего анализа использование МНК-моделей было продиктовано необходимостью выявить факт наличия значимой связи между типом статуса на рынке труда и самооценками социального положения при изучении панельных данных. С учётом того, что размер выявленных эффектов был невелик, использование более корректных методов оценивания на данном этапе не представлялось необходимым.

Общая спецификация МНК-регрессии с фиксированными эффектами имеет следующий вид:

$$y_{it} = \alpha_i + X_{it}\beta + \varepsilon_{it},$$

где:

y_{it} — зависимая переменная для наблюдения i в момент времени t (одна из пяти самооценок социального статуса);

X_{it} — набор независимых объясняющих переменных;

β — оценки параметров;

α_i — индивидуальный эффект наблюдения i , не зависящий от времени t ;

ε_{it} — случайная ошибка.

Эта модель была оценена на панели за 2000–2010 гг. для двух совокупностей — (1) для всех категорий состояний на рынке труда (включая безработных и экономически неактивных) и (2) только для занятых. В этой последней спецификации вводились дополнительные контролирующие переменные, которые касались особенностей занятости и позволили более подробно проанализировать особенности восприятия собственного социального статуса неформальными работниками: отрасль занятости, специфический стаж, наличие второй работы, логарифм часов рабочей недели. Каждая из моделей оценивалась отдельно для мужчин и для женщин.

Формальный тест Хаусмана подтвердил предпочтительность использования модели с фиксированными эффектами по сравнению с моделью со случайными эффектами.

5. Динамика субъективного социального статуса в 2000-е гг.

Подробное обсуждение основных тенденций неформальности на российском рынке труда, предпринятое в различных работах (см.: [Гимпельсон, Зудина 2011; Гимпельсон, Капелюшников 2012]), избавляет нас от необходимости делать это ещё раз. Отметим лишь, что в рамках данного исследования был зафиксирован тот же тренд, заключающийся в экспансии неформальной занятости в 2000–2010 гг.

Переходя к разговору о субъективном социальном статусе неформальных работников, рассмотрим вначале общий уровень соответствующих оценок, характерный для различных социально-демографических и профессионально-отраслевых групп.

Для адекватного анализа особенностей восприятия своего положения неформальными работниками необходимо понимать следующее:

- как ощущает себя население России в целом?
- каковы средние значения субъективного социального статуса и его вариация?

В таблице 1 приведены средние значения субъективного социального статуса в разных группах населения в 2010 г. В большинстве групп эти значения расположены очень близко друг к другу и различия между ними зачастую незначимы. Средние самооценки показателей субъективного благосостояния и субъективной власти колеблются на уровне 3,5–4 баллов по девятибалльной шкале. Средние самооценки уверенности в возможности обеспечить себя самым необходимым в будущем и удовлетворённости текущим материальным положением также невысоки — в основном 2,0–2,5 по пятибалльной шкале.

Таблица 1

**Средние оценки субъективного социального статуса
в различных группах, 2010 г., РМЭЗ НИУ ВШЭ, баллы**

Группы респондентов	Субъективное благосостояние		Субъективный уровень власти		Субъективный уровень уважения		Субъективный уровень уверенности в возможности обеспечить будущее материальное положение		Субъективный уровень удовлетворённости текущим материальным положением	
	Среднее	СО*	Среднее	СО	Среднее	СО	Среднее	СО	Среднее	СО
<i>Пол</i>										
Мужчины	4,072	0,017	3,878	0,019	6,214	0,020	2,365	0,015	2,471	0,014
Женщины	3,987	0,014	3,739	0,016	6,275	0,017	2,258	0,013	2,435	0,012
<i>Возраст (лет)</i>										
15–29	4,224	0,021	4,054	0,024	6,224	0,025	2,438	0,020	2,476	0,018
30–39	4,200	0,024	4,060	0,028	6,292	0,028	2,202	0,022	2,392	0,020
40–49	4,074	0,027	3,885	0,032	6,352	0,032	2,120	0,024	2,306	0,022
50–59	3,837	0,027	3,594	0,030	6,240	0,032	2,196	0,023	2,331	0,021
60+	3,741	0,023	3,363	0,026	6,172	0,030	2,460	0,022	2,675	0,020
<i>Уровень образования</i>										
Неполное среднее и ниже	3,785	0,030	3,433	0,033	5,946	0,037	2,319	0,026	2,542	0,025
Неполное среднее + ПТУ	3,771	0,056	3,680	0,064	6,050	0,073	2,171	0,052	2,284	0,046
Полное среднее	4,028	0,024	3,787	0,027	6,065	0,028	2,277	0,021	2,470	0,019
Полное среднее + ПТУ	3,940	0,030	3,702	0,033	6,151	0,035	2,155	0,025	2,247	0,023
Среднее профессиональное	4,018	0,022	3,749	0,026	6,398	0,026	2,241	0,021	2,377	0,018
Высшее	4,255	0,021	4,153	0,026	6,548	0,025	2,484	0,021	2,589	0,018
<i>Тип поселения</i>										
Областной центр	3,992	0,020	3,775	0,023	6,296	0,024	2,383	0,018	2,470	0,016
Город	3,937	0,022	3,624	0,024	6,276	0,025	2,235	0,019	2,388	0,017
ПГТ**	4,108	0,019	3,883	0,022	6,128	0,022	2,151	0,017	2,479	0,016

Таблица 1. Продолжение

Группы респондентов	Субъективное благосостояние		Субъективный уровень власти		Субъективный уровень уважения		Субъективный уровень уверенности в возможности обеспечить будущее материальное положение		Субъективный уровень удовлетворённости текущим материальным положением	
	Среднее	СО*	Среднее	СО	Среднее	СО	Среднее	СО	Среднее	СО
Москва, Санкт-Петербург	4,075	0,030	4,058	0,036	6,414	0,039	2,712	0,031	2,457	0,026
<i>Семейное положение</i>										
Есть партнёр	3,889	0,018	3,675	0,021	6,118	0,022	2,381	0,017	2,444	0,015
Нет партнёра	4,099	0,014	3,869	0,016	6,325	0,016	2,259	0,012	2,455	0,011
<i>Профессиональные группы</i>										
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	4,686	0,066	4,790	0,076	7,017	0,067	2,578	0,066	2,943	0,057
Профессионалы с высшим образованием	4,335	0,029	4,310	0,036	6,703	0,036	2,476	0,030	2,610	0,026
Профессионалы со средним специальным образованием	4,272	0,030	4,108	0,037	6,518	0,036	2,348	0,030	2,531	0,026
Служащие конторские и по обслуживанию клиентов	4,074	0,054	3,688	0,062	6,335	0,066	2,166	0,053	2,348	0,047
Занятые в сфере обслуживания	4,124	0,038	3,882	0,044	6,428	0,042	2,226	0,034	2,330	0,030
Квалифицированные работники сельского хозяйства и рыбной промышленности	4,079	0,182	3,711	0,241	6,250	0,212	2,333	0,196	2,462	0,168
Ремесленники	4,042	0,037	3,719	0,042	6,299	0,046	2,225	0,034	2,406	0,030

Таблица 1. Окончание

Группы респондентов	Субъективное благосостояние		Субъективный уровень власти		Субъективный уровень уважения		Субъективный уровень уверенности в возможности обеспечить будущее материальное положение		Субъективный уровень удовлетворённости текущим материальным положением	
	Среднее	СО*	Среднее	СО	Среднее	СО	Среднее	СО	Среднее	СО
Промышленные рабочие	4,069	0,035	3,700	0,039	6,281	0,043	2,199	0,031	2,353	0,028
Разнорабочие	3,747	0,042	3,424	0,046	6,059	0,049	2,111	0,036	2,206	0,031
<i>Отрасли занятости</i>										
Промышленность	3,880	0,030	3,574	0,033	6,098	0,035	2,148	0,026	2,269	0,023
Строительство	4,101	0,034	3,838	0,040	6,352	0,042	2,254	0,032	2,408	0,029
Транспорт и связь	4,187	0,030	4,034	0,036	6,517	0,036	2,273	0,030	2,506	0,026
Сельское и лесное хозяйство	4,500	0,026	4,486	0,032	6,749	0,030	2,541	0,027	2,714	0,023
Управление	4,500	0,233	4,571	0,327	6,929	0,295	3,214	0,259	3,143	0,204
Бюджетные отрасли (здравоохранение; образование; культура; наука)	4,058	0,032	3,713	0,036	6,399	0,036	2,207	0,028	2,336	0,025
Торговля и общественное питание	4,429	0,149	4,357	0,177	6,612	0,140	2,337	0,119	2,449	0,110
Финансы, кредитование, страхование и пенсионное обеспечение	5,000	0,000	3,000	0,000	8,000	0,000	4,000	0,000	4,000	0,000
ЖКХ	4,632	0,288	4,526	0,345	6,053	0,386	2,421	0,289	2,158	0,268

Примечания:

* СО — стандартная ошибка.

** ПГТ — посёлок городского типа.

Сопоставляя представленный дескриптивный анализ по 2010 г. с предыдущими исследованиями по России, относящимися к середине 1990-х и началу 2000-х гг. [Gross 2003; Kelley, Evans 2004], можно заметить, что субъективный социальный статус российского населения не претерпел существенных позитивных изменений. Выявленные различия в самооценках различных социально-демографических и профессиональных категорий в целом согласуются с результатами эмпирических исследований субъективного социального статуса. В современной России субъективный социальный статус оказывается выше у более образованной и более квалифицированной части российского населения. Вместе с тем более высокие самооценки социального статуса демонстрируют респонденты молодого и среднего возрастов. Похожие результаты были получены для Эстонии К. Линдемманн, которая связывает их с шоком перехода к рыночной системе [Lindemann 2007]. Образование, полученное молодёжью, становится более востребованным, в то время как профессиональная квалификация и навыки работников старших возрастов обесцениваются. В этом также проявляется отличие стран с переходной экономикой от стран Западной Европы, в которых субъективный социальный статус последовательно увеличивается с возрастом, а потому самые высокие самооценки социального статуса характерны для людей старшего и пожилого возрастов.

Обратимся теперь к самооценкам социального статуса, привязанным к положению на рынке труда (формально занятые, неформальные работники по найму, самозанятые, нерегулярно занятые, безработные и экономически неактивные).

Средние самооценки субъективного благосостояния по шкале «бедность — богатство» представителей шести различных статусов на рынке труда на протяжении всего периода оставались в нижней части девятибалльной шкалы (см. рис. 1).

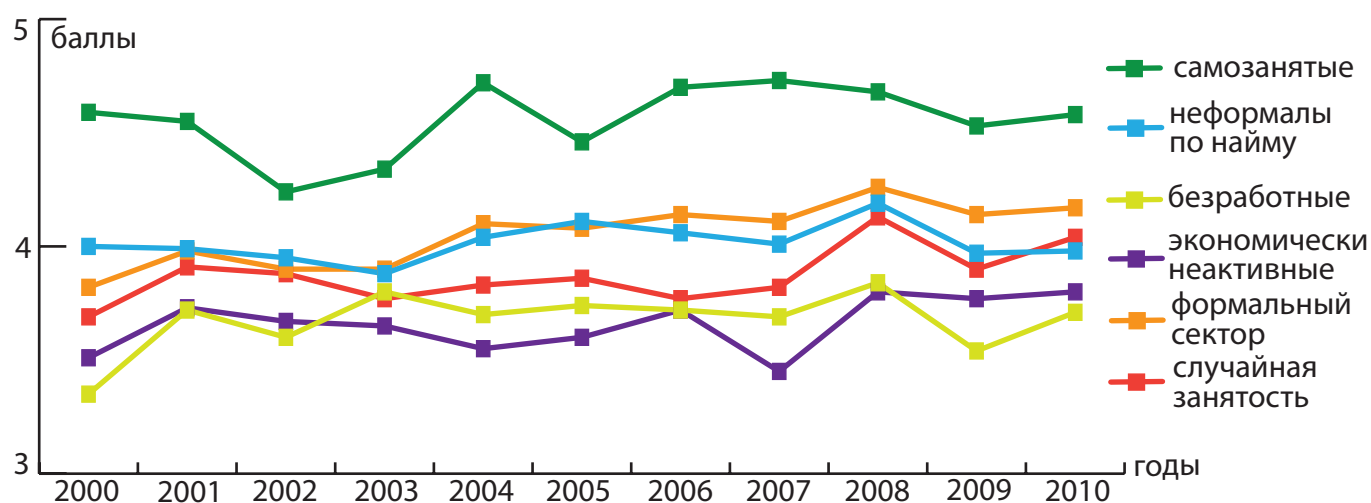

Рис. 1. Средние значения по шкале субъективного благосостояния (от 1 до 9 баллов), 2000–2010 гг.

Оценки по всем группам колеблются примерно на одном уровне, но у самозанятых они значительно выше всех остальных. Самооценки неформалов по найму и формальных работников различались незначительно, и их роста не наблюдалось. У нерегулярных и (или) случайных работников они были ниже, чем у представителей других категорий занятых, зачастую несколько превышая самооценки безработных и экономически неактивных, хотя эта разница и не являлась значимой.

Средние самооценки по шкале власти также концентрируются в нижней части шкалы (см. рис. 2). Тенденция к некоторому росту средних оценок по всем шести группам, по-видимому, имела место, но была очень слабой.

Самооценки самозанятых и по шкале власти оказались несколько выше всех остальных, в то время как неформальные наёмные работники ощущали себя более бесправными по сравнению с формальными работниками и наиболее бесправными из всех занятых. Данные различия тем не менее не являются статистически значимыми. Оценки для нерегулярных работников в начале и конце 2000-х гг. были близки к оценкам самозанятых, в то время как в середине периода — значительно ниже. Средние самооценки экономически неактивных респондентов оказывались ниже всех остальных категорий на протяжении всего рассматриваемого периода, однако доверительные интервалы этих средних пересекались с самооценками нерегулярно занятых и безработных.

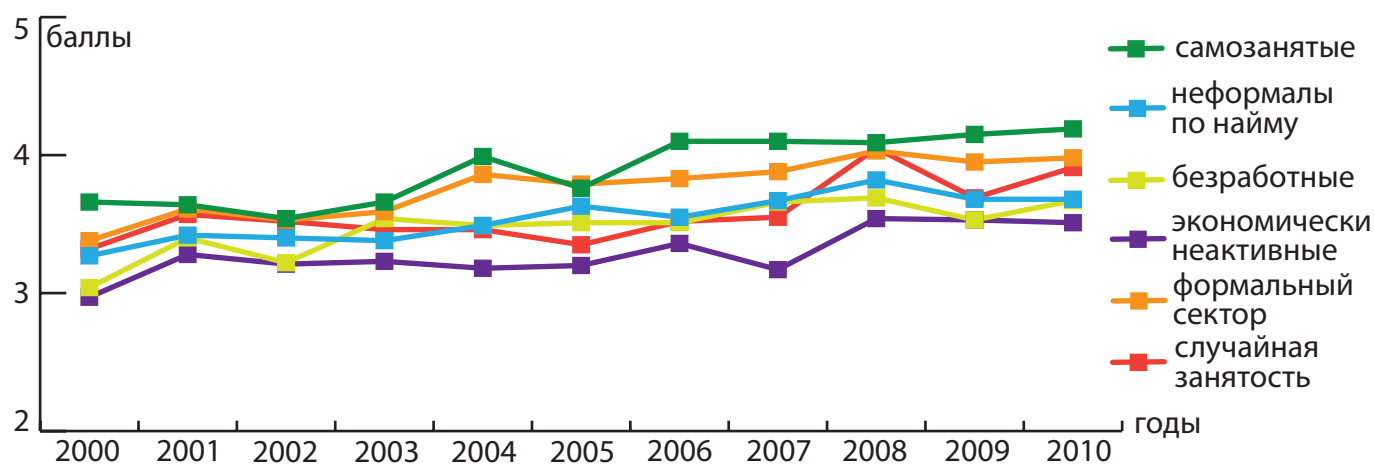

Рис. 2. Средние значения по шкале субъективной власти (от 1 до 9 баллов), 2000–2010 гг.

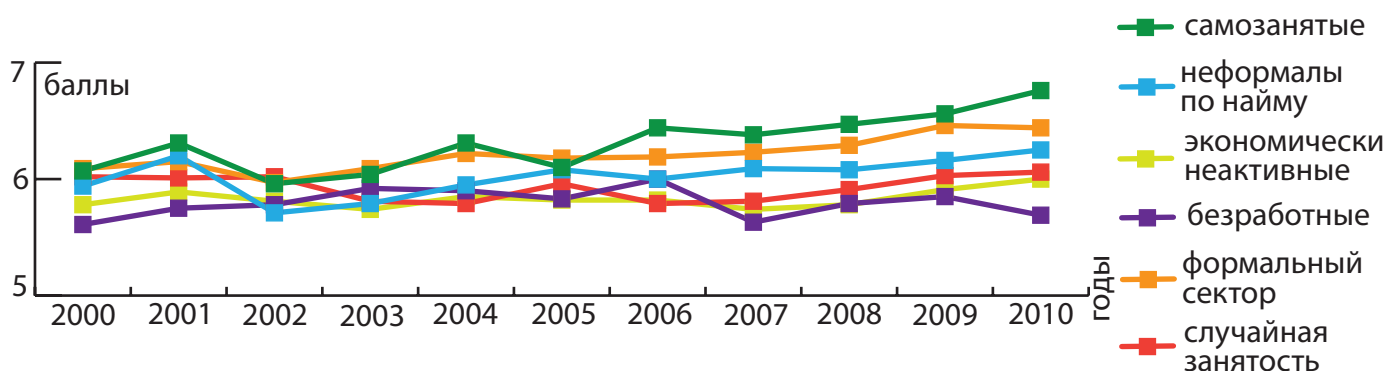

Рис. 3. Средние значения по шкале субъективного уважения (от 1 до 9 баллов), 2000–2010 гг.

На протяжении 2000-х гг. самооценки всех шести выделенных категорий респондентов по шкале уважения колебались в средней части шкалы между 5,5 и 6,8 балла (см. рис. 3). Тенденция к увеличению средних субъективных оценок уважения оказывается статистически незначимой. Средние самооценки самозанятых вновь несколько выше по сравнению с остальными пятью группами, а самооценки неформальных работников по найму — ниже, чем самооценки формальных работников. При этом значимые различия в самооценках неформальных наёмных работников и формальных работников наблюдаются лишь эпизодически.

Значимые различия между самозанятыми и формальными работниками характерны только для второй половины 2000-х гг. Оценки случайно занятых по показателю уважения варьируются, как и в случае с субъективным показателем власти. Однако амплитуда их колебаний небольшая, и на протяжении большей части 2000-х гг. самооценки этой категории занятых являются одними из самых низких наряду с самооценками безработных и экономически неактивных, от которых они статистически значимо не отличаются.

Самооценка уверенности в возможности обеспечить себя самым необходимым в ближайшем будущем является очень низкой во всех шести группах (см. рис. 4) и колебалась на уровне от 1,6 до 2,6, при этом значение 1 по данной пятибалльной шкале обозначало крайнюю степень обеспокоенности будущим материальным положением. Самозанятые демонстрировали несколько большую уверенность в своих возможностях обеспечить себя, однако эти различия были статистически значимы не во все годы.

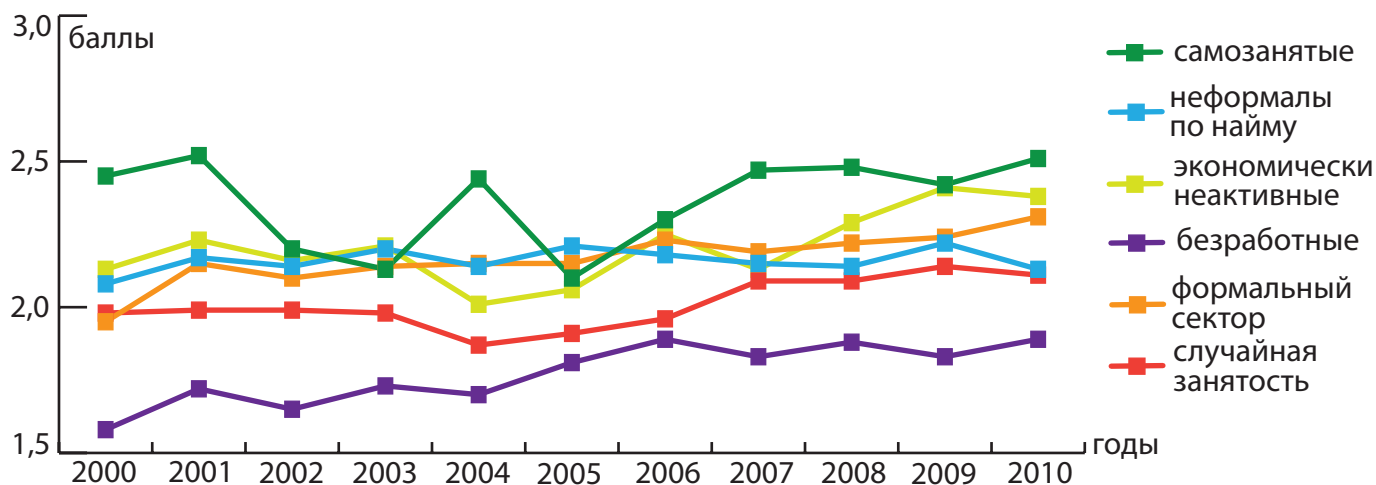

Рис. 4. Средние значения по шкале субъективной уверенности в возможности самообеспечения (от 1 до 5 баллов), 2000–2010 гг.

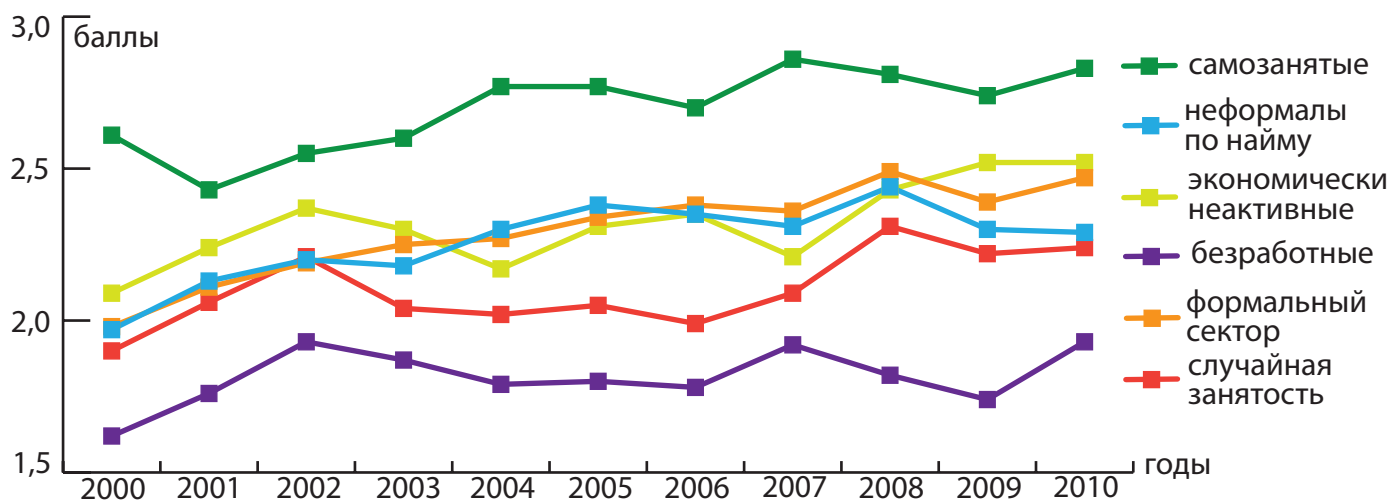

Рис. 5. Средние значения по шкале удовлетворённости текущим материальным положением (от 1 до 5 баллов), 2000–2010 гг.

Неформальные наёмные работники, занятые в формальном секторе и экономически неактивные респонденты оказались очень близки по данному показателю, различия между ними на протяжении большей части периода незначимы. Оценки случайно занятых и безработных являлись самыми низкими, однако в разные годы доверительные интервалы средних в этих группах пересекались с интервалом средних оценок неформальных работников по найму.

Средние самооценки удовлетворённости текущим материальным положением были достаточно низкими во всех шести группах и были сконцентрированы на уровне 1,6–2,6 балла (см. рис. 5). Самозанятые вновь демонстрировали более высокую степень удовлетворённости по сравнению с формальными работниками, в то время как формальные работники, неформальные наёмные работники и экономически неактивные респонденты в среднем были очень близки по этому параметру характеристике социаль-

ного положения. Оценки случайных работников и безработных вновь оказались самыми низкими и колебались примерно на одном уровне на протяжении большей части периода.

Приведённые результаты дескриптивного анализа говорят о том, что неформальные работники на российском рынке труда представляют собой неоднородную группу не только по своей структуре, но и по особенностям восприятия своего места в обществе. Так, средний самозанятый ощущает себя человеком «первого сорта» (относительно других) по всем «материальным» показателям субъективного социального статуса, в то время как неформальные наёмные работники зачастую значительно не отличаются от формальных работников. Эти результаты в целом согласуются с выводами, полученными при изучении доходов различных видов российских работников на базе РМЭЗ НИУ ВШЭ [Гимпельсон, Капелюшников 2012]. Интересно, что по другим параметрам субъективного социального статуса самозанятые не отличаются от формальных работников, а также от неформальных наёмных работников. При этом средний уровень самооценок является низким, и в целом формальные работники значительно не отличаются от неформальных. Это косвенно свидетельствует и об отсутствии жёсткой сегментации на рынке труда, разводящей работников по полярным состояниям. Ещё одна группа неформальных работников — нерегулярно занятые — оказывается похожей по своим особенностям восприятия положения в обществе на безработных и экономически неактивных. Они представляются наиболее депривированной категорией населения, для которых случайная занятость является в первую очередь средством выживания.

6. Считают ли себя неформалы людьми «второго сорта»?

Действительно ли значимых различий в восприятии своего социального положения между формальными и неформальными работниками на российском рынке труда нет? Простое сравнение средних самооценок не даёт ответа на этот вопрос. С помощью эконометрического анализа (пробит-модели для порядковых данных) я пытаюсь выявить «чистый» вклад неформальности в формирование таких самооценок. На базе каждой из 11 волн РМЭЗ НИУ ВШЭ были оценены пять моделей, различающихся видом самооценки социального статуса в качестве зависимой переменной. Набор контролируемых характеристик включал пол, возраст, состояние в браке, тип населённого пункта, образование, самооценку здоровья¹³, число детей в домохозяйстве, логарифм душевого дохода, статус студента, статус пенсионера, федеральный округ, статус на рынке труда. Последняя переменная принимала шесть различных значений (самозанятость, неформальная занятость по найму, нерегулярная занятость, формальная занятость, безработица, экономическая неактивность), а формальная занятость выбрана в качестве базовой категории.

Остановимся подробнее на результатах анализа (см. далее будет: табл. 2).

По показателю *субъективного благосостояния* на протяжении всего периода 2000-х гг. наблюдались значимые отличия между самозанятыми и формальными работниками. Самозанятые ставили себя значительно выше по этой шкале, чем формальные работники, при прочих равных условиях. Отличия между другими группами работников, различающимися статусом на рынке труда, носят менее выраженный характер и не воспроизводятся от волны к волне. Неформальные наёмные работники давали более низкие самооценки благосостояния по сравнению с формальными работниками только в 2009 и 2010 гг., в то время как на протяжении предыдущих лет различий не наблюдалось. Случайно занятые характеризовались более низкими самооценками благосостояния на протяжении большей части второй половины 2000-х гг. Это делало их похожими по данному показателю на экономически неактивное население, для которого в этот период были также характерны более низкие самооценки благосостояния. Безра-

¹³ В качестве самооценки здоровья использовался ответ на вопрос: «Были у Вас в течение последних 30 дней какие-либо проблемы со здоровьем?».

ботные, в свою очередь, оценивали своё материальное положение значимо ниже формальных работников во всех 11 волнах, представляя по своим самоощущениям самую бедную категорию населения по сравнению с формальными работниками.

Параметр *субъективной власти* показывает несколько иную картину. На протяжении всего анализируемого периода различий между самозанятыми и формальными работниками не наблюдалось: работники формального сектора и самозанятые одинаково позиционировали себя на этой шкале. В противоположность им неформальные работники по найму оценивали свою «власть» значимо ниже, и эти самооценки воспроизводились практически в каждой волне. Случайно занятые также демонстрировали значимо более низкие самооценки власти по сравнению с формальными работниками, однако данные различия вновь оказались характерны только для второй половины 2000-х гг. Это сближало их с категорией экономически неактивных. Для безработных респондентов оказались характерны значимо более низкие самооценки власти по сравнению с формальными работниками на протяжении всех 11 лет.

Анализ результатов регрессии по *параметру субъективного уважения*, которое респонденты испытывают к себе со стороны других, также позволил дифференцировать различные категории статусов на рынке труда. Значимые различия между самозанятыми и формальными работниками наблюдались только в 2006 и 2010 гг., при этом самозанятые в этих волнах демонстрировали более высокие самооценки уважения. В остальные годы различия между самозанятыми и формальными работниками отсутствовали. Неформальные наёмные работники на протяжении большей части 2000-х гг. оценивали уровень уважения, которое они испытывают к себе со стороны других, значимо ниже, чем формальные работники, однако эти различия воспроизводились нерегулярно. Начиная с 2003 г. для случайно занятых также оказывались характерны значимо более низкие самооценки уважения по сравнению с формальными работниками (исключение составил 2005 г.). Как безработные, так и экономически неактивные на протяжении всего анализируемого периода отличались значимо более низкими самооценками уважения по сравнению с формальными работниками.

Таблица 2

Коэффициенты порядковых пробит-регрессий при переменных статуса на рынке труда, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2010 гг.

(контролируются пол, возраст, состояние в браке, тип населённого пункта, образование, самооценка здоровья, число детей в домохозяйстве, логарифм душевого дохода, статус студента, статус пенсионера, федеральный округ)

Статусы на рынке труда	Субъективное благосостояние																					
	2000		2001		2002		2003		2004		2005		2006		2007		2008		2009		2010	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
Самозанятые	0,39 ^c	0,1	0,39 ^c	0,09	0,13 ^a	0,07	0,30 ^c	0,08	0,38 ^c	0,07	0,26 ^c	0,08	0,38 ^c	0,09	0,43 ^c	0,07	0,27 ^c	0,08	0,29 ^c	0,09	0,28 ^c	0,07
Неформ. наём	0,06	0,06	-0,01	0,08	0,03	0,06	-0,01	0,05	-0,07	0,05	0,01	0,05	-0,05	0,04	-0,06	0,04	-0,02	0,04	-0,1 ^b	0,04	-0,14 ^c	0,04
Форм. сектор	Базовый																					
Безработные	-0,36 ^c	0,06	-0,23 ^c	0,06	-0,20 ^c	0,06	-0,12 ^a	0,07	-0,28 ^c	0,07	-0,27 ^c	0,07	-0,31 ^c	0,06	-0,18 ^b	0,07	-0,28 ^c	0,07	-0,38 ^c	0,06	-0,29 ^c	0,04
Случайная занятость	-0,08	0,05	-0,03	0,05	-0,02	0,05	-0,05	0,05	-0,19 ^c	0,06	-0,09	0,06	-0,21 ^c	0,05	-0,10 ^a	0,06	-0,13 ^b	0,06	-0,13 ^c	0,05	-0,06	0,05
Эконом. неактивные	-0,06	0,04	-0,01	0,03	0	0,03	0,01	0,03	-0,17 ^c	0,04	-0,13 ^c	0,04	-0,11 ^c	0,03	-0,22 ^c	0,03	-0,16 ^c	0,03	-0,12 ^c	0,03	-0,17 ^c	0,03
N	8418		9547		9848		9940		9109		8864		11704		10358		11220		10934		16098	
Wald chi2	901,288		850,21		909,701		958,826		985,502		878,196		1410,155		1276,433		1219,42		939,449		1263,466	
Prob > chi2	0		0		0		0		0		0		0		0		0		0		0	
Pseudo R2	0,031		0,027		0,028		0,029		0,033		0,029		0,036		0,036		0,032		0,025		0,023	
	Субъективная власть																					
	2000		2001		2002		2003		2004		2005		2006		2007		2008		2009		2010	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
Самозанятые	0,05	0,11	-0,05	0,12	-0,08	0,08	0,01	0,08	0,08	0,08	0,04	0,08	0,14	0,09	0,12	0,08	0,01	0,08	0,13	0,09	0,11	0,07
Неформ. наём	-0,12 ^a	0,07	-0,13	0,07	-0,07	0,06	-0,10 ^a	0,05	-0,25 ^c	0,05	-0,08 ^a	0,05	-0,17 ^c	0,04	-0,11 ^b	0,04	-0,11 ^c	0,04	-0,12 ^c	0,04	-0,20 ^c	0,03
Форм. сектор	Базовый																					
Безработные	-0,26 ^c	0,06	-0,24 ^c	0,06	-0,24 ^c	0,06	-0,1	0,06	-0,2 ^c	0,06	0,17 ^b	0,07	-0,25 ^c	0,06	-0,08	0,06	-0,22 ^c	0,06	-0,22 ^c	0,06	-0,18 ^c	0,04
Случайная занятость	-0,05	0,06	-0,03	0,05	-0,08	0,05	-0,13 ^b	0,05	-0,25 ^c	0,06	-0,21 ^c	0,06	-0,20 ^c	0,05	-0,17 ^c	0,06	-0,09	0,06	-0,14 ^c	0,05	-0,06	0,05

Таблица 2. Продолжение

Эконом. неактивные	2000		2001		2002		2003		2004		2005		2006		2007		2008		2009		2010	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
Эконом. неактивные	-0,07 ^a	0,04	0,02	0,03	-0,03	0,03	-0,05	0,03	-0,15 ^c	0,04	-0,11 ^c	0,04	-0,11 ^c	0,03	-0,21 ^c	0,04	-0,14 ^c	0,03	-0,1 ^c	0,03	-0,15 ^c	0,03
N	8248		9364		9704		9796		9024		8754		11530		10269		11075		10853		15987	
Wald chi2	905,527		1031,388		999,583		1152,267		1057,751		996,014		1327,875		1245,035		1353,023		1074,32		1584,535	
Prob > chi2	0		0		0		0		0		0		0		0		0		0		0	
Pseudo R2	0,029		0,03		0,027		0,032		0,032		0,03		0,032		0,033		0,033		0,026		0,026	
Субъективное уважение																						
Самозанятые	-0,04	0,1	0,1	0,1	-0,03	0,08	-0,01	0,08	0,03	0,07	-0,04	0,08	0,16 ^b	0,08	0,04	0,08	0,1	0,08	0,1	0,08	0,23 ^c	0,06
Неформ. наём	-0,04	0,06	0,1	0,08	-0,13 ^b	0,06	-0,12 ^b	0,05	-0,13 ^c	0,05	-0,01	0,05	-0,1 ^b	0,04	-0,04	0,04	-0,09 ^b	0,04	-0,09 ^b	0,04	-0,06 ^a	0,03
Форм. сектор	Базовый																					
Безработные	-0,23 ^c	0,06	-0,24 ^a	0,06	-0,11 ^b	0,06	-0,11 ^a	0,06	-0,17 ^c	0,06	-0,15 ^b	0,07	-0,11 ^a	0,06	-0,27 ^c	0,06	-0,20 ^c	0,07	-0,23 ^c	0,06	-0,35 ^c	0,05
Случайная занятость	0,01	0,06	-0,05	0,05	-0,01	0,05	-0,18 ^c	0,05	-0,26 ^c	0,05	-0,08	0,06	-0,19 ^c	0,05	-0,13 ^b	0,06	-0,18 ^c	0,05	-0,14 ^c	0,05	-0,14 ^c	0,05
Эконом. Неактивные	-0,16 ^c	0,04	-0,12 ^c	0,03	-0,1 ^c	0,03	-0,16 ^c	0,03	-0,18 ^c	0,04	-0,17 ^c	0,04	-0,18 ^c	0,03	-0,17 ^c	0,03	-0,26 ^c	0,03	-0,28 ^c	0,03	-0,28 ^c	0,03
N	8020		9252		9658		9745		8932		8647		11353		10122		10872		10723		15784	
Wald chi2	351,064		302,437		312,643		476,367		385,594		391,335		512,477		497,687		739,87		584,346		755,857	
Prob > chi2	0		0		0		0		0		0		0		0		0		0		0	
Pseudo R2	0,012		0,009		0,009		0,013		0,011		0,012		0,012		0,013		0,018		0,016		0,013	
Субъективная уверенность в возможности самообеспечения в будущем																						
Самозанятые	0,37 ^c	0,11	0,34 ^c	0,12	0,09	0,09	0,04	0,09	0,27 ^c	0,08	-0,01	0,09	0,13	0,1	0,32 ^c	0,09	0,23 ^c	0,08	0,22 ^b	0,09	0,16 ^b	0,07
Неформ. наём	0,04	0,07	0,08	0,09	0,02	0,06	0,05	0,06	-0,05	0,05	0,04	0,05	-0,04	0,04	-0,01	0,05	-0,07	0,05	0	0,04	-0,14 ^c	0,04

Таблица 2. Окончание

Форм. сектор	Базовый																							
	2000		2001		2002		2003		2004		2005		2006		2007		2008		2009		2010			
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se		
Безработные	-0,46 ^c	0,07	-0,44 ^c	0,06	-0,45 ^c	0,07	-0,41 ^c	0,07	-0,42 ^c	0,07	-0,35 ^c	0,08	-0,38 ^c	0,07	-0,24 ^c	0,07	-0,41 ^c	0,07	-0,42 ^c	0,06	-0,34 ^c	0,05		
Случайная занятость	0,02	0,06	0,12 ^b	0,06	-0,04	0,06	-0,07	0,06	-0,14 ^b	0,06	-0,12 ^a	0,06	-0,22 ^c	0,05	0,07	0,06	-0,09	0,06	-0,13 ^b	0,05	-0,10 ^a	0,05		
Эконом. неактивные	0,21 ^c	0,037	0,09 ^c	0,03	0,01 ^c	0,03	0,07 ^b	0,03	-0,07 ^a	0,04	-0,01	0,04	0,04	0,03	0,06	0,04	0,07 ^b	0,03	0,12 ^c	0,03	0,01	0,03		
N	8478		9600		9887		10024		9172		8910		11809		10454		11278		11066		16281			
Wald chi2	719,253		809,552		771,243		998,825		828,733		659,806		1109,417		737,168		825,765		746,256		1066,752			
Prob > chi2	0		0		0		0		0		0		0		0		0		0		0			
Pseudo R2	0,033		0,032		0,03		0,036		0,035		0,028		0,034		0,026		0,026		0,023		0,023			
	Удовлетворённость текущим материальным положением																							
	2000		2001		2002		2003		2004		2005		2006		2007		2008		2009		2010			
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se		
Самозанятые	0,41 ^c	0,1	0,31 ^c	0,11	0,29 ^c	0,08	0,37 ^c	0,08	0,46 ^c	0,07	0,44 ^c	0,09	0,30 ^c	0,09	0,46 ^c	0,07	0,27 ^c	0,08	0,32 ^c	0,09	0,29 ^c	0,07		
Неформ. наём	-0,07	0,07	0,04	0,08	0,04	0,06	-0,05	0,05	0	0,05	0	0,05	-0,04	0,04	-0,05	0,04	-0,04	0,04	-0,08 ^b	0,04	-0,16 ^c	0,04		
Форм. сектор	Базовый																							
Безработные	-0,46 ^c	0,06	-0,41 ^c	0,06	-0,29 ^c	0,06	-0,39 ^c	0,06	-0,51 ^c	0,07	-0,64 ^c	0,08	-0,67 ^c	0,07	-0,38 ^c	0,08	-0,7 ^c	0,07	-0,66 ^c	0,07	-0,53 ^c	0,05		
Случайная занятость	0,14 ^b	0,06	-0,07	0,05	0,04	0,05	-0,17 ^c	0,06	-0,23 ^c	0,06	-0,22 ^c	0,06	-0,34 ^c	0,05	-0,17 ^c	0,06	-0,23 ^c	0,06	-0,18 ^c	0,05	-0,24 ^c	0,05		
Эконом. неактивные	0,02	0,04	0,07 ^a	0,03	0,09 ^c	0,03	0,02	0,03	-0,11 ^c	0,04	0,08 ^b	0,04	-0,08 ^b	0,03	-0,15 ^c	0,04	-0,18 ^c	0,03	-0,02	0,03	-0,15 ^c	0,03		
N	8518		9687		9922		10095		9192		8945		11854		10479		11309		11102		16315			
Wald chi2	584,51		737,321		686,33		783,298		686,785		609,83		773,311		559,055		680,195		676,852		1110,921			
Prob > chi2	0		0		0		0		0		0		0		0		0		0		0			
Pseudo R2	0,03		0,032		0,028		0,03		0,029		0,027		0,024		0,02		0,021		0,023		0,026			

Примечание: ^a p < 0,1; ^b p < 0,05; ^c p < 0,01.

По параметру *уверенности в возможности обеспечить себя самым необходимым* в ближайшем будущем самозанятые характеризовались значимо более высокими оценками на протяжении большей части 2000-х гг. Однако обращает на себя внимание тот факт, что эти различия не воспроизводятся от волны к волне и наблюдается «провал» в 2002, 2003 и 2005 гг., когда они незначимы. Разница в самооценках между неформальными наёмными работниками и формальными работниками значима только в 2010 г., неформальные работники по найму демонстрируют значимо более низкий уровень уверенности в обеспечении собственного ближайшего будущего. Важно, что в остальные годы формальные работники и неформальные наёмные работники имеют схожие уровни уверенности в собственных возможностях. С этим параметром субъективного социального статуса (не)формальность занятости оказывается практически не связана. Нерегулярным работникам свойственны значимо более низкие самооценки своих возможностей по сравнению с формальными работниками; данные различия воспроизводились практически на протяжении большей части 2000-х гг., однако и здесь наблюдаются отдельные годы-«провалы», когда различия были незначимыми. В этом смысле нерегулярные работники вновь близки по своим самооценкам к экономически неактивному населению. Безработные значимо ниже оценивали свои возможности самообеспечения по сравнению с формальными работниками во всех 11 волнах.

Самозанятые респонденты *удовлетворены своим текущим материальным положением* значимо больше, чем формальные работники, и эти различия устойчиво воспроизводились в каждой из 11 волн. В противоположность им различия между самооценками неформальных работников по найму и формальных работников были значимы только в 2009 и 2010 гг., когда неформальные наёмные работники демонстрировали значимо более низкий уровень удовлетворённости. На протяжении всего предшествующего периода отсутствие официального оформления занятости никак не влияло на самооценки этого параметра субъективного социального статуса. Нерегулярные работники практически всегда меньше удовлетворены своим материальным положением по сравнению с формальными работниками (но различия отсутствуют в 2001 и 2002 гг.). По этому параметру нерегулярные работники также оказываются более близкими к экономически неактивным, чем к безработным. Для последних значимые различия с формальными работниками были характерны на протяжении всего анализируемого периода. Предсказуемо, что безработные значимо ниже оценивали свой уровень удовлетворённости текущим материальным положением.

Подводя итог этой части анализа, можно сказать, что выявленные устойчивые различия между самозанятыми и формальными работниками оказываются связаны с «материальными» параметрами субъективного социального статуса — уровнем благосостояния, возможностью самообеспечения в будущем и удовлетворённостью текущим материальным положением. В этом самозанятые чувствуют себя значимо лучше формальных работников. Одновременно при прочих равных условиях формальные работники и самозанятые испытывают сходный уровень уважения к себе и обладают сопоставимыми ощущениями, касающимися дистанции до власти. Таким образом, неформальный характер трудовой деятельности самозанятых не связан с этими особенностями восприятия своего социального положения.

Восприятие собственного социального статуса у неформальных наёмных работников представляет собой обратную картину. Различий по «материальным» атрибутам субъективного социального статуса с формальными работниками практически нет. Уровень материального благосостояния неформальных работников по найму сопоставим с уровнем формальных работников, они испытывают сходный уровень удовлетворённости текущим материальным положением и примерно одинаково оценивают свои возможности самообеспечения, однако ощущают себя значительно более бесправными и менее уважаемыми по сравнению с формальными работниками.

По своим самооценкам нерегулярные работники являются одной из самых обделённых категорий неформальной занятости. По самооценкам они близки к тем, кто не имеет доходов от занятости, — на экономически неактивным и безработным и по сравнению с формальными работниками ставят себя значимо ниже по всем пяти шкалам: ощущают себя беднее, бесправнее, менее удовлетворёнными текущим материальным положением и менее уверенными в возможности обеспечивать себя в будущем, а также менее уважаемыми. Данные различия тем не менее наблюдаются не во все годы, что отличает эту категорию от безработных, для которых значимо более низкие самооценки по всем параметрам субъективного социального статуса были характерны на протяжении всего периода.

Обратимся теперь к результатам панельных регрессий с фиксированными эффектами, которые были оценены для всех статусов на рынке труда. Набор контролируемых переменных здесь был таким же, как и в случае с порядковыми пробит-моделями. Результаты расчётов представлены в таблице 3.

При контроле ненаблюдаемых индивидуальных характеристик различия между самозанятыми и формальными работниками по одному из «материальных» атрибутов субъективного социального статуса — показателю уверенности в будущем материальном положении — становятся незначимыми. Напомним, что анализ порядковых пробит-регрессий для кросс-секций выявил значимые, хотя и неустойчивые различия: самозанятые демонстрировали несколько большую уверенность в своих возможностях обеспечивать себя самым необходимым. Одновременно с этим самозанятые по-прежнему демонстрируют значимо более высокий уровень самооценок по двум другим материальным параметрам — субъективному благосостоянию и удовлетворённости текущим материальным положением. При прочих равных условиях при переходе из формальной занятости¹⁴ в самозанятость самооценка благосостояния увеличивается на 0,14 балла. При совершении аналогичного перехода значимо увеличивается и самооценка удовлетворённости текущим материальным положением по сравнению с формальными работниками — на 0,15 балла. Изменением других параметров субъективного социального статуса этот переход не сопровождается: по показателям власти и уважения значимых различий между самозанятыми и формальными работниками не наблюдается.

Переход из формального найма в неформальный не отражается на изменении самооценок «материальных» атрибутов субъективного социального статуса, однако влияет на самооценки власти и уважения, что согласуется с результатами предыдущего этапа анализа. Исключение составляет только показатель субъективного материального благосостояния. При переходе в неформальный наём он падает на 0,04 балла при прочих равных условиях. Отметим, что величина данного эффекта очень мала, хотя и статистически значима. Этот переход сопряжён и с ухудшением самооценок власти и уважения, которые снижаются на 0,11 и 0,06 балла соответственно.

Переход к нерегулярной занятости из формальной сопровождается значимым ухудшением всех самооценок статуса. При прочих равных условиях самооценка благосостояния уменьшается на 0,13 балла, самооценка власти — на 0,14 балла, самооценка уважения — на 0,08 балла, самооценка уверенности в возможности самообеспечения снижается на 0,15 балла, а удовлетворённость текущим материальным положением — на 0,2 балла. В этом отношении нерегулярные работники оказываются близки к экономически неактивным респондентам, снижение самооценок которых при переходе из формальной занятости имеет примерно сопоставимый размер.

¹⁴ Несмотря на то что формальная занятость является одним из наиболее стабильных состояний на российском рынке труда, она была выбрана в качестве отправной точки для анализа из-за того, что основной исследовательский интерес был сосредоточен на сравнении самооценок формальных и неформальных работников, а также ввиду многочисленности данной группы.

Таблица 3

**МНК– модели с фиксированными эффектами, все статусы на рынке труда,
РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2010 гг.**

(контролируются уровень образования, возраст, семейное положение, тип населённого пункта, самооценка здоровья, число детей в домохозяйстве, логарифм душевого дохода, статус студента, статус пенсионера, федеральный округ, годовые дамми– переменные)

Статусы на рынке труда	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворённость текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
<i>Все</i>										
Самозанятые	0,140 ^c	0,045	0,013	0,054	0,023	0,052	0,017	0,043	0,152 ^c	0,036
Неформальный наём	-0,044 ^b	0,022	-0,110 ^c	0,026	-0,066 ^b	0,027	-0,029	0,020	-0,017	0,018
Формальный сектор	Базовый									
Безработные	-0,285 ^c	0,026	-0,253 ^c	0,030	-0,279 ^c	0,031	-0,340 ^c	0,021	-0,363 ^c	0,019
Случайная занятость	-0,127 ^c	0,025	-0,141 ^c	0,028	-0,079 ^c	0,028	-0,153 ^c	0,021	-0,202 ^c	0,019
Экономически неактивные	-0,165 ^c	0,018	-0,163 ^c	0,021	-0,211 ^c	0,022	-0,064 ^c	0,016	-0,170 ^c	0,015
N	115 950		114 519		113 017		116 869		117 326	
Number of groups (количество групп)	28 034		27 923		27 819		28 185		28 228	
r2_w	0,013		0,016		0,007		0,011		0,030	
sigma_u	1,311		1,699		1,450		1,056		1,149	
sigma_e	1,110		1,280		1,328		0,988		0,878	
Rho	0,583		0,638		0,544		0,533		0,631	
<i>Мужчины</i>										
Самозанятые	0,181 ^c	0,059	0,099	0,072	0,054	0,066	0,016	0,056	0,167 ^c	0,046
Неформальный наём	-0,034	0,031	-0,083 ^b	0,036	-0,091 ^b	0,038	-0,070 ^b	0,029	-0,020	0,025
Формальный сектор	Базовый									
Безработные	-0,422 ^c	0,038	-0,313 ^c	0,044	-0,330 ^c	0,046	-0,422 ^c	0,033	-0,499 ^c	0,028
Случайная занятость	-0,173 ^c	0,034	-0,166 ^c	0,037	-0,092 ^b	0,038	-0,200 ^c	0,030	-0,256 ^c	0,026
Экономически неактивные	-0,285 ^c	0,029	-0,244 ^c	0,033	-0,268 ^c	0,036	-0,076 ^c	0,026	-0,284 ^c	0,023
N	48 955		48 468		47 823		49 324		49 534	
Number of groups (количество групп)	12 405		12 375		12 327		12 465		12 501	

Таблица 3. Окончание

Статусы на рынке труда	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворённость текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
r2_w	0,015		0,016		0,008			0,012		0,033
sigma_u	1,314		1,724		1,443			1,064		1,132
sigma_e	1,120		1,302		1,335			1,028		0,893
Rho	0,579		0,637		0,539			0,517		0,616
<i>Женщины</i>										
Самозанятые	0,069	0,068	-0,119	0,083	-0,029	0,084	0,007	0,067	0,119 ^b	0,057
Неформальный наём	-0,057 ^a	0,032	-0,136 ^c	0,037	-0,039	0,038	0,019	0,028	-0,014	0,026
Формальный сектор	Базовый									
Безработные	-0,172 ^c	0,036	-0,203 ^c	0,040	-0,234 ^c	0,042	-0,267 ^c	0,027	-0,251 ^c	0,026
Случайная занятость	-0,091 ^b	0,037	-0,120 ^c	0,042	-0,072 ^a	0,043	-0,099 ^c	0,031	-0,157 ^c	0,029
Экономически неактивные	-0,089 ^c	0,024	-0,112 ^c	0,027	-0,170 ^c	0,028	-0,055 ^c	0,021	-0,096 ^c	0,019
N	66 995		66 051		65 194			67 545		67 792
Number of groups (количество групп)	15 629		15 548		15 492			15 720		15 727
r2_w	0,013		0,018		0,007			0,013		0,031
sigma_u	1,198		1,352		1,437			1,031		0,925
sigma_e	1,101		1,263		1,323			0,959		0,865
Rho	0,542		0,534		0,541			0,536		0,533

Примечание: ^a p < 0,1; ^b p < 0,05; ^c p < 0,01.

Безработные представляются наиболее депривированной категорией населения, так как переход в безработицу из состояния формальной занятости оказывает на их самооценки наиболее значительный эффект. Падение самооценок субъективного социального статуса по разным показателям колеблется в интервале 0,3–0,4 балла, в то время как ни один из возможных переходов из формальной занятости в неформальную таким падением самооценок не сопровождается.

Оценивание панельных регрессий с фиксированными эффектами отдельно для мужчин и для женщин показало, что выявленные различия между самозанятыми и формальными работниками по показателю субъективного благосостояния свойственны только мужчинам, а среди женщин эти различия незначимы (см. таблицу 3). Самооценки благосостояния мужчин при совершении перехода в самозанятость значимо увеличиваются на 0,18 балла. В то же время переход из формальной занятости по найму в самозанятость и у мужчин, и у женщин повышает удовлетворённость текущим материальным положением. Эти самооценки возрастают на 0,17 и 0,12 балла у мужчин и у женщин соответственно.

Мужчины при переходе из формального найма в неформальный испытывают значимое снижение самооценок власти (на 0,08 балла), уважения (на 0,09 балла) и уверенности в возможности обеспечивать себя самым необходимым (на 0,07 балла). Аналогичный переход у женщин сопровождается значимым ухудшением самооценок власти (падение на 0,14 балла, что больше, чем у мужчин) и субъективного благосостояния (0,06 балла). Выраженные различия между самооценками мужчин и женщин, относящихся к категории нерегулярных работников, не наблюдаются. После перехода в нерегулярную занятость самооценки мужчин значимо снижаются по всем показателям субъективного социального положения, для женщин же данный переход сопровождается менее заметным падением субъективного уважения, и различия оказываются значимыми только на 10%-м уровне. При этом самооценки мужчин падают значительно, чем самооценки женщин по всем пяти индикаторам субъективного социального статуса, размер эффекта у мужчин больше во всех пяти спецификациях.

На последнем этапе анализа модели с фиксированными эффектами были оценены только для занятых. В данной спецификации учитывались те же характеристики, что и на предыдущем этапе, но также вводились дополнительные переменные, контролирующие характер работы (отрасль занятости, специфический стаж, наличие второй работы, логарифм числа отработанных часов). В этом случае пришлось ограничиться тремя типами занятости (самозанятость, неформальный наём, формальная занятость), поскольку для нерегулярно занятых отсутствуют необходимые данные о характеристиках работы. Базовой категорией для сравнения вновь выступала формальная занятость (см. таблицу 4). В такой спецификации практически все различия в субъективном социальном статусе между неформальными наёмными работниками и формальными работниками становятся незначимыми. Единственным исключением является самооценка показателя власти, коэффициент для которой снижается, но остаётся значимым на 10%-м уровне. Можно предположить, что выявленные в предыдущей спецификации различия, касающиеся субъективного благосостояния и уважения, скорее всего, объяснялись характеристиками занятости. В то же время даже в этой уточнённой спецификации наблюдались значимые различия между самозанятыми и формальными работниками по показателям субъективного благосостояния и удовлетворённости текущим материальным положением. Переход в самозанятость из формального сектора сопровождается значимым увеличением самооценки благосостояния (на 0,16 балла) и удовлетворённости текущим материальным положением (на 0,17 балла).

Анализ различий в самооценках социального положения показал, что для занятых женщин изменения во всех субъективных оценках статуса при переходе из формального в неформальный наём оказались незначимыми (см. таблицу 4).

МНК-модели с фиксированными эффектами, только занятые, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2010 гг.

(контролируются уровень образования, возраст, семейное положение, тип населённого пункта, самооценка здоровья, число детей в домохозяйстве, логарифм душевого дохода, статус студента, статус пенсионера, федеральный округ, годовые дамми-переменные и отрасль занятости, специфический стаж, наличие второй работы, логарифм часов рабочей недели)

Тип занятости	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворённость текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	Se	coef	se	coef	se
<i>Все</i>										
Самозанятые	0,164 ^c	0,057	0,081	0,068	-0,007	0,066	-0,037	0,054	0,167 ^c	0,045
Неформальный наём	-0,001	0,028	-0,063 ^a	0,032	-0,031	0,034	-0,014	0,025	-0,003	0,023
Формальный сектор	Базовый									
N	58 412		57 944		57 305		58 617		58 768	
Number of groups (количество групп)	17 026		16 981		16 912		17 073		17 088	
r2_w	0,013		0,019		0,009		0,009		0,030	
sigma_u	1,382		2,060		1,392		1,046		1,176	
sigma_e	1,053		1,246		1,234		0,960		0,844	
Rho	0,633		0,732		0,560		0,543		0,660	
<i>Мужчины</i>										
Самозанятые	0,213 ^c	0,077	0,147	0,091	0,093	0,083	-0,054	0,077	0,173 ^c	0,058
Неформальный наём	-0,019	0,040	-0,053	0,046	-0,034	0,047	-0,071 ^b	0,036	-0,013	0,033
Формальный сектор	Базовый									
N	26 369		26 193		25 919		26 507		26 579	
Number of groups (количество групп)	8 155		8 143		8 113		8 185		8 198	
r2_w	0,013		0,018		0,010		0,008		0,025	
sigma_u	1,374		2,120		1,400		1,079		1,173	
sigma_e	1,057		1,264		1,240		1,002		0,860	

Таблица 4. Окончание

Тип занятости	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворённость текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	Se	coef	se	coef	se
Rho	0,628		0,738		0,560		0,537		0,650	
<i>Женщины</i>										
Самозанятые	0,101	0,084	-0,007	0,101	-0,161	0,106	-0,010	0,074	0,162 ^b	0,072
Неформальный наём	0,027	0,041	-0,067	0,046	-0,032	0,050	0,058	0,035	0,012	0,033
Формальный сектор	Базовый									
N	32 043		31 751		31 386		32 110		32 189	
Number of groups (количество групп)	8 871		8 838		8 799		8 888		8 890	
r2_w	0,016		0,022		0,011		0,013		0,037	
sigma_u	1,159		1,348		1,385		1,013		0,901	
sigma_e	1,050		1,231		1,229		0,925		0,830	
Rho	0,549		0,545		0,559		0,545		0,541	

Примечание: ^a p < 0,1; ^b p < 0,05; ^c p < 0,01.

Мужчины, совершающие аналогичный переход, испытывают некоторое падение самооценки уверенности в возможности обеспечивать себя самым необходимым в будущем (на 0,07 балла, значимо на 5%-м уровне). Изменениями по другим составляющим субъективного социального статуса данный переход не сопровождается.

Самозанятые мужчины отличаются ростом самооценок благосостояния (на 0,2 балла) и удовлетворённости текущим материальным положением (на 0,17 балла) при смене формального статуса. Что же касается самозанятых женщин, то они испытывают лишь бóльшую удовлетворённость текущим материальным положением (на 0,16 балла), однако изменения в уровне субъективного благополучия отсутствуют.

Проведённый пошаговый анализ взаимосвязи между неформальной занятостью и самооценками социального положения вновь подчеркнул внутреннюю неоднородность неформальной занятости. Он выявляет значимые изменения в самооценках самозанятых при переходе из состояния формальной занятости, которые оказываются характерны в большей степени для мужчин. Значимая динамика в самооценках неформальных работников отсутствует. Самооценки нерегулярных работников не поддаются более глубокому анализу из-за отсутствия всех данных, однако они представляются наиболее уязвимой категорией неформальной занятости, так как их самооценки падают больше всего. Однако важно подчеркнуть, что размер выявленных различий во всех описываемых случаях очень мал.

Таким образом, оснований говорить о том, что на российском рынке труда неформальность выступает одним из механизмов социальной стратификации, относящих неформальных работников к людям «второго сорта», нет. Отсутствие значимых различий между самооценками большей части неформальных и формальных работников, небольшой размер эффекта перехода в различные состояния неформальной занятости из формальной, близкий средний уровень самооценок всех статусов на рынке труда не позволяют говорить о наличии чётко отделённых друг от друга социально-экономических групп, а значит, о выраженной связи неформальной занятости и социальной стратификации российского общества.

7. Заключение

Дискуссия о том, является ли неформальность на рынке труда стратифицирующим механизмом, способствующим обострению социального неравенства, напряжённости, депривации работников и маргинализации различных видов неформальной занятости, ведётся очень давно. Будучи одним из наиболее выраженных видов социально незащищённой и уязвимой занятости, неформальная занятость характеризуется отсутствием чёткой институционализированной системы ориентиров, правил поведения, вознаграждения, продвижения и стратификаций, системы социальной защиты, а также связана с большими рисками оппортунистического поведения со стороны работодателя. Это верно и для современной России: смена формального статуса работника на неформальный сопровождается резким усилением деформализации трудовых отношений [Гимпельсон, Капелюшников 2012]. Однако сказывается ли эта деформализация на идентификации работниками своего места в обществе? Где они видят себя, и какая схема социального неравенства выстраивается в их восприятии?

Проведённый анализ говорит об отсутствии значимых различий в представлении собственного статуса между формальными и неформальными работниками в России. Таким образом, исходное исследовательское предположение о формировании сегментированного рынка труда на фоне наблюдавшегося в России в 2000-е гг. экономического роста не получает подтверждения в данных о субъективном статусе.

Данный результат как плохо укладывается в неовеберинскую стратификационную схему, так и не согласуется с результатами предыдущих исследований неформальной занятости, согласно которым подобное отсутствие значимых отличий в самооценках оказывается характерно, скорее, для менее благополучных развивающихся стран. Несмотря на то что экономический рост в 2000-е гг. транслировался преимущественно в создание неформальных рабочих мест, росту «элитарности» рабочих мест формального сектора это не слишком способствовало. Скорее, можно говорить о некоем континууме состояний формальности и (или) неформальности на рынке труда, для разных частей которых могут быть характерны различные показатели «качества воздуха» (самооценок социального статуса), однако переход через условную границу между секторами не будет приводить к их значимому резкому изменению.

Итак, для формальных и неформальных работников социальный мир является общим и описывается сходными категориями. Тем не менее это не означает, что российские работники чувствуют себя в этом мире хорошо. Значительная часть российского занятого населения не удовлетворена своим положением и характеризуется низкими самооценками своего статуса независимо от того, является ли их занятость формальной или нет. Важно подчеркнуть, что полученные результаты являются не столько характеристикой неформальной занятости на российском рынке труда, сколько индикатором качества институтов формального сектора, ведь он в восприятии работающего населения не связывается ни с возможностями улучшить своё благосостояние, ни с системой социальной защиты.

Представления о социальной стратификации, конструируемые российскими формальными и неформальными работниками, действительно очень близки, однако они не вписываются также и в картину, описанную классиками функционалистского подхода к стратификации. Ключевое значение для функционалистского подхода имел континуум профессиональных ролей, перемещение по которому являлось способом вертикальной социальной мобильности. В восприятии российских работников в большинстве случаев трудовая мобильность не сопровождается значительным изменением самооценок социального статуса, а значит, не связывается с возможностью подняться на «социальном лифте». Мобильность между рабочими местами представляется лишь горизонтальным перемещением между сходными позициями в поисках лучшей из худших возможностей. Подобное понимание социальной иерархии будет демотивировать получение дополнительного профессионального образования, повышение квалификации и рост производительности труда, что в дальнейшем может только способствовать усилению чувства депривации большей части работающего населения.

В связи с этим важно, что исследования субъективного социального статуса в России, проведённые для середины 1990-х — начала 2000-х гг., показывали такую же картину. Десятилетие устойчивого экономического роста никак не отразилось на восприятии (по-прежнему остаётся крайне низким) собственного социального статуса большинства российского населения.

В значительной степени это объясняется особенностями российской модели рынка труда, которая характеризуется неблагоприятной институциональной средой и неэффективным государственным регулированием [Заработная плата в России... 2008; Gimpelson, Kapeliushnikov 2011]. С одной стороны, неполное обеспечение выполнения трудовых договоров и контрактов, слабые институты выстраивания коллективно-договорного процесса, неопределённость и отсутствие понимания альтернатив, возникающее из-за непрозрачности российского рынка труда, приводят к тому, что формальная занятость лишается большей части своих преимуществ для работника. Формальный сектор не имеет возможности обеспечить институционализированную социальную защиту для своих работников, обесцениваются формальные контракты и правила. Реальные трудовые права наёмных работников формального сектора определяются волей работодателя и соотношением выгод и издержек следования трудовым нормам, а неправовые практики активно распространяются и в сфере формального найма [Заславская,

Шабанова 2002]. «Деформализация формального» выступает одним из процессов, размывающих границу между формальным и неформальным на рынке труда [Барсукова 2003]. С другой стороны, сама неформальная занятость уже давно стала привычным явлением на российском рынке труда. Её различные виды становились важной частью нестандартных инструментов подстройки в период трансформации нашей экономики, а потому в настоящее время воспринимаются нормой трудовых отношений. Рост неформальной занятости, продиктованный особенностями экономического развития, сам по себе не будет выступать механизмом консервации социальной уязвимости российских работников, для которых (не)формальность занятости оказывается не так уж принципиальна.

Результаты представленного анализа могут послужить основой для дальнейших исследований взаимосвязи неформальной занятости и субъективного социального статуса. Среди методологических направлений изучения данной темы следует отметить как остающееся возможное смещение оценок из-за самоотбора респондентов в определённый статус занятости (панельные регрессии способны лишь частично решать эту проблему) и так называемое обратное влияние, при котором сами самооценки социального статуса будут воздействовать на решение о типе занятости на рынке труда. Установление причинности является ключевым при изучении последствий неформальной занятости, а потому продвижение в данном направлении при помощи моделей, способных учесть смещения такого типа (например, оценивание моделей Хаусмана—Тейлора), представляется весьма перспективным.

Литература

- Аистов А. В., Ларин А. В., Леонова Л. А. 2012. Неформальная занятость и удовлетворённость жизнью: эмпирический анализ с учётом эндогенности. *Прикладная эконометрика*. 2: 17–36.
- Аистов А. В., Леонова Л. А. 2011. Удовлетворённость жизнью и работой, связь с незарегистрированной занятостью. *Серия препринтов WP15 «Научные труды Лаборатории исследований рынка труда»*. WP15/2011/04. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Барсукова С. Ю. 2003. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия. *Социологические исследования*. 7: 3–15.
- Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. 2011. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? *Вопросы экономики*. 10: 53–76.
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. 2012. Нормально ли быть неформальным? *Серия препринтов WP3 «Проблемы рынка труда»*. WP3/2012/09. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Дэвис К., Мур У. 1992. Некоторые принципы стратификации. *Социальная стратификация*. 1: 160–177.
- Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда. В сб.: Добреньков В. И. (ред.) *Западно-европейская социология XIX — начала XX веков*. М.: Международный университет бизнеса и управления; 256–308.
- Заработная плата в России: эволюция и дифференциация*. 2008. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Заславская Т. И., Шабанова М. А. 2002. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России. *Социологические исследования*. 6: 3–17.

- Косова Л. 1997. Социальные реформы и динамика изменения статусов. *Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения*. 6: 37–39.
- Синявская О. 2005. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштаб и динамика. *Научные проекты НИСП — IISP Working Papers*. WP5/2005/01. URL: <http://www.socpol.ru/publications/PDF/nz.pdf>
- Adler N. et al. 2000. Relationship of Subjective and Objective Social Status With Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women. *Health Psychology*. 19 (6): 586–592.
- Alwin D. F. 1987. Distributive Justice and Satisfaction with Material Well-Being. *American Sociological Review*. 52 (1): 83–95.
- Beuran M., Kalugina E. 2006. *Social Exclusion and the Informal Sector: The Case of Russia*. Paris: Centre d’Economie de la Sorbonne, Université de Paris 1, CNRS. URL: <http://www.sc-eco.univ-nantes.fr/~jma2006/jma2006/jma-online/C2-beuran.pdf>
- Brown R. A. et al. 2008. Cultural and Community Determinants of Subjective Social Status among Cherokee and White Youth. *Ethnicity & Health*. 13 (4): 289–303.
- Cassar L. 2010. Revisiting Informality: Evidence from Employment Characteristics and Job satisfaction in Chile. *Oxford Poverty and Human Development Initiative (OPHI) Working Papers*. WP No. 41 (November).
- Centers R. 1949. *The Psychology of Social Classes: A Study of Class Consciousness*. Princeton: Princeton University Press.
- Della Fave L. R. 1980. The Meek Shall Not Inherit the Earth: Self-Evaluation and the Legitimacy of Stratification. *American Sociological Review*. 45 (6): 955–971.
- Falko P. Determinants of income in informal self-employment: new evidence from a long African Panel. In *6th IZA/World Bank Conference: Employment and Development*. Online conference materials. URL: http://www.iza.org/conference_files/worldb2011/falco_p6069.pdf
- Ferrer-i-Carbonell A., Gerxhani K. 2011. Financial Satisfaction and (in)formal Sector in a Transition Country. *Social Indicators Research*. 102 (2): 315–331.
- Franzini L., Fernandez-Esquer M. E. 2006. The Association of Subjective Social Status and Health in Low-Income Mexican-Origin Individuals in Texas. *Social Science & Medicine*. 2006. 63: 788–804.
- Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I. 2011. Labor Market Adjustment: is Russia Different? *Серия препринтов WP3 «Проблемы рынка труда»*. WP3/2011/04. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Goldman N. et al. 2002. Measuring Subjective Social Status: A Case Study of Older Taiwanese. *Office of Population Research Working paper series*. Working Paper No. 2005-02. Princeton: Princeton University.
- Goldthorpe J. et al. 1969. *The Affluent Worker in the Class Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Gross M. 2003. Educational Systems and Perceived Social Inequality: The Institutional Base for Class Formation. *European Societies*. 2 (5): 193–225
- Jackman M. R. 1979. The Subjective Meaning of Social Class Identification in the United States. *Public Opinion Quarterly*. 43 (4): 443–462
- Jackman M. R., Jackman R. W. 1973. An Interpretation of the Relation between Objective and Subjective Social Status. *American Sociological Review*. 38: 569–582.
- Kelley J., Evans M. D. R. 1995. Class and Class Conflict in Six Western Nations. *American Sociological Review*. 60: 157–178.
- Kelley J., Evans M. D. R. 2004. Subjective Social Location: Data from 21 Nations. *International Journal of Public Opinion Research*. 16 (1): 3–38.
- Kluegel J. R., Singleton R., Starnes C. E. 1977. Subjective Class Identification: A Multiple Indicator Approach. *American Sociological Review*. 42: 599–611.
- Kluegel J. R., Smith E. R. 1981. Beliefs About Stratification. *Annual Review of Sociology*. 7: 29–56.
- Knudsen K. 1988. Class Identification in Norway: Explanatory Factors and Life-Cycle Differences. *Acta Sociologica*. 31 (1): 69–79.
- Laumann E. O., Senter R. 1976. Subjective Social Distance, Occupational Stratification, and Forms of Status and Class Consciousness: A Cross-National Replication and Extension. *American Journal of Sociology*. 81 (6): 1304–1338.
- Leggett J. C. 1963. Working-Class Consciousness, Race, and Political Choice. *American Journal of Sociology*. 69 (2): 171–176.
- Lewis L. 1964. Class and the Perception of Class. *Social Forces*. 42 (3): 336–340.
- Lindemann K. 2007. The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position. *Trames*. 11: 54–68.
- Maloney W. F. 2004. Informality Revisited. *World Development*. 32 (7): 1159–1178.
- Marshall G. 1994. Social Mobility. In: Marshall G. (ed.) *Oxford Concise Dictionary of Sociology*. Oxford: Oxford University Press; 334–338 См. также: Маршалл Г. Из оксфордского словаря социологии. В сб.: Ильин В. И. (ред.) *Теория социальной стратификации в западной социологии. Электронная хрестоматия*. URL: <http://www.socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/hrest-content.htm>
- Molnar G., Kapitany Z. 2010. Unreported Income, Education and Subjective Well-Being. Institute of Economics, Hungarian Academy of Sciences. *IEHAS Discussion Papers*. DP No. 1027.
- Ossowski S. 1963. *Class Structure in the Social Consciousness*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Ostrove J. M. et al. 2000. Objective and Subjective Assessments of Socioeconomic Status and Their Relationship to Self-rated Health in an Ethnically Diverse Sample of Pregnant Women. *Health Psychology*. 19 (6): 613–618.

- Pages C., Madrigal L. 2008. Is Informality a Good Measure of Job Quality? Evidence from Job Satisfaction Data. *Research Department by Inter-American Development Bank Working Paper Series*. WP No. 654. Washington, DC: Inter-American Development Bank.
- Perry et al. 2007. Informality: Exit and Exclusion. *Latin America and the Caribbean Studies Report*. Washington, DC: The World Bank.
- Shepelak N. J. 1987. The Role of Self-Explanations and Self-Evaluations in Legitimizing Inequality. *American Sociological Review*. 52 (4): 495–503.
- Singh-Manoux A. et al. 2003. Subjective Social Status: Its Determinants and Its Association with Measures of Ill-Health in the Whitehall II Study. *Social Science & Medicine*. 56 (6): 1321–1333.
- Slonimczyk F. 2011. The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform. *Серия препринтов WP3 «Проблемы рынка труда»*. WP3/2011/05. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Special Focus: Inequality in Emerging Economies. 2011. In: *Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising*. *OECD Report*. URL: <http://www.oecd.org/els/soc/49170475.pdf>
- Temkin B. 2009. Informal Self-Employment in Developing Countries: Entrepreneurship or Survivalist Strategy? Some Implications for Public Policy. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 9 (1): 135–156.
- Wachsberger J-M. et al. 2010. Job Satisfaction and Informal Sector in Vietnam. In: *International Conference about the Informal Sector & Informal Employment: Statistical Measurement, Economic Implications and Public Policies*. Online conference materials. URL: <http://www.colloques.tamdaoconf.com/ii-parallel-sessions/sectoral-allocation-social-constraints/>
- Weber M. 1966. Class, Status and Party. In: Bendix R., Lipset S. M. (eds) *Class, Status and Power*. New York: Free Press; 21–28.
- Wooldridge J. M. 2002. *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, MA; London, UK: The MIT Press.